

Мастер клинков. Клинок выкован

Автор:

Дмитрий Распопов

Мастер клинков. Клинок выкован

Дмитрий Викторович Распопов

Мастер клинков #3Новый фантастический боевик (Эксмо)

Барон Максимилян, чрезвычайный и полномочный посол его величества Нумеда III к Подгорному престолу, первый тан земли – вот полный перечень титулов, которые успел обрести простой подросток с Земли, попав в другой мир, а ведь впереди его ждут новые приключения, а также старое обещание выковать меч короля гномов. Справится ли герой с ними? Сможет ли исполниться всё задуманное? Ведь его ждёт спуск в пещеру мастеров клинков – все это вы узнаете в новой книге цикла – «Мастер клинков. Клинок выкован».

Дмитрий Викторович Распопов

Мастер Клинков. Клинок выкован

© Распопов Д. В., 2017

© Оформление. Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

– Не то, – я отложил еще один свиток в сторону и устало потер виски, прошло две недели, а ничего стоящего я так и не нашел. Прошла тысяча лет, и все упоминания о мастерах клинков и их творениях остались лишь историями и сказками. Даже самые старые пергаменты, которые хранители библиотеки приносили мне с трепетом, с недовольством вручая их «всего лишь» человеку, не несли никакой существенной информации. Это были только пересказы о мастерах клинков и ни одной записи от них самих не было.

– Уважаемые, – я позвал к себе хранителей и, когда они подошли, попросил их, показывая рукой на гору свитков, которые я пересмотрел, – это все не то, мне нужны записи самих мастеров, а не посторонних людей об их деятельности. Неужели нет технологических цепочек или методов обработки металла, которые они использовали? Хотя что-то, что мне бы помогло?

– Это все записи того периода, – подняв бороду вверх, недовольно произнес главный хранитель, который, несмотря на прямое распоряжение короля, каждый раз показывал мне, насколько он недоволен появлением человека в его вотчине.

Я промолчал и снова принялся за работу, но день шел за днем, а результатов не было. Кипа свитков, которые приносили мне хранители, таяла, и настал день, когда я просмотрел последний из них, убедившись, что потратил время впустую. Конечно, мне приносили и свитки, написанные на Тайном наречии, которого я не знал, но, попросив их перевести, я убеждался, что описываемые там секреты никоим образом не касаются деятельности мастеров клинков. Было такое впечатление, что кто-то специально ничего не оставлял или прятал их записи. Я ни за что на свете бы не поверил, что ни один из них не вел записей или наблюдений, тут явно таилась загадка.

Отчаявшись найти информацию, я напросился на прием к Торгидору и вывалил на него проблему отсутствия малейших записей о технологиях или приемах мастеров. Если я этого не буду знать, как я смогу пытаться что-то повторить?

Он, пожевав бороду, пообещал поспрашивать у сардаров стен про их Клановые библиотеки, а меня пока направил к оружейникам клана Сломанной Секиры.

Вот уж где я познал настоящий гномий снобизм, так это у них. Раздувая щеки от важности, они показывали мне ковку, закалку мечей и секир, говоря при этом,

что выдают клановые секреты и я должен за это им быть благодарен. Когда я не выдержал и указал им на несоответствие качества их работы по сравнению с требованиями мастера Тарака, то приобрел в их глазах не только врага, но еще и «сующего не в свое дело нос всезнайки». Под конец общения меня просто трясло от злости, я тут пытаюсь им же помочь, восстановить Каладборг, а помощи хрен от кого дождешься. Потыкавшись по мастерским, я видел кругом лишь непонимание и неприятие меня даже как простого кузнеца, не говоря уже про мастера клинков. Всем было на это наплевать, прошло слишком много времени, чтобы это звание что-то для них значило, а я был лишь какой-то мифической сказкой, с которой носится король и смотритель зала со «ржавыми железяками». О том, что это самое оружие в моих руках оживало, им, видимо, никто не сказал, а с учетом того, что король даже не сам, а через посланников передал мне, что доступ в клановые хранилища мне не открыли, поскольку сардары не видели в этом смысла, я понял, что нужно просто на всех забить и спустаться в пещеру мастеров. Возможно, там я найду больше ответов на свои вопросы, чем за весь потерянный последний месяц. Пока же местные гномы полностью оправдывали мои ожидания и вели себя как последние говнюки. Какой же сильный контраст был между их поведением и поведением «моих» гномов в селении, что мастера Тарака, что мастера Дорна, я молчу уже про Дарина. Так сильно хотелось плюнуть на все обещания и вернуться в свой «родной колхоз», как бы пафосно это ни звучало, но обещание есть обещание, к тому же данное королю, который, в свою очередь, обещал прикрыть меня от нападок аристократии моего королевства. Не будем забывать и о том, что меня пытались сместить с должности посла к гномам и прислать другого «счастливец».

Видели бы вы лица приставленных ко мне гномов, когда я заявил о том, что хочу спуститься вниз. Меня практически тут же провели к лифтовой клетке, где с радостью и облегчением на лицах избавились от надоедливого «гостя», запихав внутрь. Я надеялся, что они хотя бы не забудут спускать мне еду, ведь, судя по тому количеству старейшин и Родов, которым я последнее время наступил на хвост, – это было не исключено, но другого выбора у меня не осталось.

Глава 1

На новом месте

Клетка опускалась все глубже и глубже, заставляя меня вздрагивать, когда она начинала скрипеть или шум трущихся канатов становился особенно громким. Сердце учащенно билось, а глаза медленно приспосабливались к темноте. Сначала я вообще ничего не видел, едва клеть скрылась из света факелов гномьих подземелий, но спустя десять минут стал различать стенки шахты, гладкие, как стекло, и даже смутные контуры своей руки, которую поднимал к лицу.

«Интересно, как я буду работать, если внизу полная темнота? – задумался я. – Гномы не дали мне с собой даже кресала с кремнем».

Громко пробурчавший живот напомнил, что коротышки не дали мне с собой еще кое-чего важного. Тут я вспомнил, что прежде чем зашел в клеть лифта, туда два гнома что-то положили. Опустившись на корточки, я слепо пошарил по деревянному полу, обитому железными полосами.

– О, да! – обрадовался я, когда рука нащупала кожаный мех и лежавшую рядом с ним котомку. Более тщательный поиск нашел в нем кусок хлеба и сыра, которые я сразу стал есть, запивая теплой водой.

«Очень сильно надеюсь, что это не весь мой рацион на ближайшее будущее, – спуск все продолжался и продолжался, давая мне время подкрепиться и подумать, – я привык к хорошей еде и подобное пропитание на воде, хлебе и сыре меня категорически не устраивало».

В общем вскружившее мне первоначально голову звание мастера клинков оказалось никому, кроме меня, короля и еще пары моих хороших друзей, совершенно не нужным, зато заставило надавать обещаний, выполнять которые, в свете последних событий, представлялось очень проблематичным.

Хорошо еще, что проблема с воздухом была гномами решена. Клеть продолжала движение, но чем ниже меня спускали, тем более ощутимым я чувствовал поток восходящего свежего воздуха, что не могло не радовать: хотя бы не задохнусь, когда лифт достигнет нижней точки назначения.

Темнота и скрип клетки начали напрягать, когда я доел то небольшое, что гномы положили, а движение вниз все не прекращалось. Даже с учетом медлительности моего лифта расстояние получалось весьма приличным, и это

не могло не тревожить.

Задумавшись, я не заметил, что движение клетки стало неровным, дерганым, и вскоре она, сильно стукнувшись дном, замерла. Поскольку кругом была кромешная тьма, то что делать и куда мне идти, я себе не представлял, пришлось открыть раздвижную дверь и осторожно ногой прощупать, что находится за ней. Сапог уперся в твердую поверхность, и это радовало. Радовало еще больше, что я, сделав пару шагов по туннелю, заметил тусклый зеленый свет, который пробивался где-то далеко впереди.

Помня о возможных провалах и прочих трещинах, я не торопясь и чертыхаясь на тупых гномов, которые не положили мне с собой ни факелов, ни кресало с кремнем, аккуратно продолжил путь, прощупывая каждый следующий шаг. На мое удивление, в туннеле было свежо и прохладно, а также отсутствовала вода, которая на такой глубине должна была просачиваться сквозь стены. Возможно, причиной тому было необычайная гладкость стен, словно туннель не прокопали, а прожгли чем-то раскаленным. Как это можно было сделать, я старался не думать, хватало насущных проблем.

Когда свет стал ярче, я увидел впереди широкий проход, сразу заторопился и вскоре вышел из туннеля. Открывшийся вид заставил меня застыть на месте. Огромная, нет, этого слова было слишком мало, чтобы описать пещеру, в которую я попал. Огромнейшая пещера была в несколько раз больше столицы гномов, даже с учетом их застройки, и просто впечатляла. Люминесцентный приглушенный зеленый свет, исходящий от огромных грибовидных растений, был повсюду. Вся поверхность пещеры была усеяна ими. Поскольку они слишком уж были похожи на грибы, только отличались большими размерами, я решил их так и величать – просто грибы. Прикоснувшись к одному из них, я посмотрел на пальцы, они сразу покрылись зеленой слизью и стали тускло светиться.

От созерцания грибов меня отвлекли две вещи: где-то глухо шумела вода, а также слишком яркий свет, который виднелся далеко впереди, явно диссонируя с окружающим меня светом химической природы. Как я ни старался идти аккуратно, но все равно перепачкался в слизи грибов и вскоре сам себе освещал путь, поскольку светилось у меня все, кроме, пожалуй, головы и лица, ибо они были выше растений.

Идти пришлось далеко, хотя шум, который я слышал, казалось вот тут рядом, можно рукой дотянуться. Просто огромность пещеры и глухая тишина вокруг

создавали такой звуковой эффект. Прошло больше часа, прежде чем грибы стали редеть и уменьшаться, открывая мне вид на большое озеро, которое создавалось бьющим из большой дыры в стене пещеры мощным потоком воды. Заинтересовавшись, почему озеро не расширяется и не затопляет все вокруг, я подошел ближе. Оказалось, что оно сливается в туннель, находящийся недалеко от гудящего потока, образуя гигантскую воронку, в которую вода уходила в глубь земли. Стоять рядом с бурлящим потоком было хоть каким-то разнообразием для моего слуха, но я пошел дальше, туда, где пламенело что-то ярко-красное, ощутимо обдавая теплом.

Я попытался подойти ближе к тому месту, где с тихим шлепаньем кипела магма, наполняющая небольшую, но глубокую, искусно сделанную емкость из материала антрацитового цвета. Яркость и жар, которые она излучала, были настолько сильны, что пришлось отойти и не смотреть на нее напрямую. Я сразу же вспомнил, зачем сталевары носят очки на своих касках.

Чуть дальше от этой емкости был еще один интересный предмет интерьера, заинтересовавший меня. Огромный алхимический стол, сделанный из того же материала, что и емкость. Я пальцем поковырял поверхность стола и понял, что, во-первых, палец потемнел, как будто я потер графит, а во-вторых, при более тщательном изучении это и оказалось графитом, только очень плотно спрессованным. Такими я видел угольные тигли, в которых плавил высокотемпературные металлы, а вот как подобные изделия сотворили аборигены, стало еще одной загадкой, которую мне, похоже, предстояло решить. Кстати, о том, что это именно алхимический стол, было легко догадаться по колбам и ретортам, соединенным между собой стеклянными трубками. В центре стола меня привлекло странное углубление размером с ладонь. От него шли канавки к каждому из секторов стола, на которых стояли алхимические колбы. Я дотронулся до одной из них пальцем и убедился, что место давно не посещалось, поскольку толщина пыли была приличной.

Вскоре я заметил поблизости большую наковальню с кувалдой и клещами на ней. К сожалению, это было все, что там лежало: никаких тебе обжимок, гладилок, подбоек, зубил, подсечек, пробойников, вилок – словом, всего основного набора кузнеца, без которого нормально не поработаешь. Горн также был рядом, как, впрочем, и небольшая грудка каменного угля. Осмотрев все имеющиеся инструменты, наковальню и металл горна, я убедился, что все в отличном состоянии, без малейших признаков коррозии, а причина этого была проста – весь металл был матово-черного цвета, видимо, мастера прошлого

обзавелись нержавеющей инструментом. Возник вопрос, куда делся остальной инструмент, не могли же здешние мастера делать работу без остальных подсобных инструментов.

Вопросы, вопросы, ответов на которые у меня не было.

Заглянув за горн, я с каким-то мстительным чувством убедился, что про меха мастера не подумали, и все, что касалось поддува воздуха, конечно, давно сгнило, как, впрочем, и все, что было сделано не из металла. Работать без кожаного фартука я не привык, да и рукавицы мне бы оченьгодились.

«Кстати, а как я напишу наверх, что мне необходимо? – внезапно прозрел я. – Гномы ничего не дали мне с собой, к тому же мне нужно будет постоянно отправляться за едой к лифту, а это не близко. Не прельщала меня перспектива три раза в день ходить туда-сюда».

Воспоминания о еде пробудили мой желудок, который дал знать, что мое многочасовое блуждание по туннелю и пещере неплохо было бы подкрепить порцией энергии.

«Меня спустили днем, значит, по идее, должны прислать вечернюю порцию еды. Мне нужно написать светящейся слизью грибов на куске ткани то, что мне потребуется».

Портить единственную рубашку ради этого не хотелось, но, когда меня спускали сюда, я не думал, что это будет так глубоко. Рассчитывал вечером подняться назад, запастись всем необходимым и на следующий день вернуться сюда для работы. Теперь же мою концепцию нужно было пересматривать, каждый день спускаться и подниматься, а также тратить время на путь до наковальни становилось проблематичным. Нужно написать гномам, что я остаюсь здесь, пускай все необходимое они будут спускать мне на лифте, а уж сделать пару ходок, чтобы переложить продукты в холодную воду горного озера, не составит проблем.

«Ладно, испорчу ради нужного дела свою рубаху», – решил я и вывернул ее наизнанку, поскольку наружная сторона была уже испачкана. Вернувшись к грибам, стал писать светящейся слизью перечень того, что мне нужно, потратив на это час. Тело от сидения на полу затекло, поэтому я с трудом поднялся, пятой

точкой почувствовав, как же тут холодно, если не быть рядом с бассейном магмы.

Аккуратно неся перед собой высыхающую рубаху с гномьими рунами, я направился в обратный путь к лифту.

«Хоть у гномов и ночь сейчас, надеюсь, ума у них хватит не дожидаться утра и прислать мне еды побольше, – думал я, старательно поднимая рубаху над собой, когда проходил поле грибов, чтобы не стерлась от новой слизи моя часовая работа».

Среди полнейшей тишины, которая наступила, стоило мне отдалиться от шумящей воды, раздавшийся надо мной глухой удар заставил меня вздрогнуть и поднять голову. С потолка пещеры не осыпалось ни камушка, но я твердо был уверен, что слышал глухой звук, как будто отголосок далекого взрыва. Нехорошее предчувствие заставило меня поторопиться и ускорить шаг, так что в знакомый туннель я зашел через полчаса и, светящийся после похода через грибное поле, быстро нашел путь к лифту. Точнее, к тому, что от него осталось. Больше никакой шахты наверх не было, все было завалено породой, упавшей сверху и полностью раздавившей лифт, к тому же засыпав часть туннеля, вывалившись из шахты наружу.

«Песец», – какое-то чувство обреченности при виде этих разрушений, отрезавших меня от единственного пути наверх, выбило у меня почву из-под ног, я сел на пол, невидяще глядя перед собой.

В таком состоянии я просидел достаточно долго, что затекли ноги, а я сам основательно замерз. Накопившееся чувство злости и раздражения, испытываемое мной последний месяц к высокомерным коротышкам, которые, держась за свои незыблемые основы, упорно вставляли мне палки в колеса, вылилось наконец в крик. Я заорал, просто заорал от обреченности, злости, да так, что едва сам не оглох в замкнутом туннеле. Странно, но голова от этого прояснилась, а мысли о том, что я ведь еще жив, а рядом есть вода и «грибы», придали мне сил и заставили подняться с каменного пола и надеть не нужную теперь никому, кроме меня, рубашку, со светящимися гномьими рунами.

«Ну, гады, ведь я могу выбраться отсюда, ведь я не всю пещеру еще осмотрел, – мысли о мести подогревали меня и подгоняли быстрее идти туда, где было

тепло. – Для начала нужно согреться, а потом решить вопросы собственного существования».

Есть люминесцирующие грибы совершенно не хотелось, но если в горном озере я не найду ничего съестного, «грибками» придется перекусить, для пробы пусть и небольшим количеством. Осмотр озера и всего ближайшего пространства ничего не дал, поскольку прибывающая мощным потоком вода просто не давала шанса чему-либо удержаться на дне водоема, а тут же засасывающий внизу водоворот все смывал со дна, оставляя воду обжигающе холодной, чистой, но без какой-либо живности.

«Эх, ну хоть умру молодым и красивым», – понимание того, что чем быстрее я пойму, не опасны ли для меня грибы, или мне предстоит долгая и болезненная смерть от голода, подстегнули меня к эксперименту, против которого протестовало все мое естество.

Взяв кусочек гриба размером с фалангу мизинца, я сел рядом с озером и, откусив маслянистое тело быстро, не жуя, проглотил, запив водой, от которой сразу заломило зубы.

«Ну, если я выживу, – подумал я, прежде чем меня накрыло, в голове настало ощущение легкости и мне захотелось взлететь, – я заставлю тех, кто меня здесь запер, съесть все местное поле грибов».

Очнулся я, лежа в скрюченном состоянии, с полностью затекшим телом, но рвоты или недомогания не чувствовал. Тяжело вздохнув и с ненавистью посмотрев на тускло мерцающее поле «грибков», а они оказались именно категории, нужной для определенной социальной группы людей из моего мира, я подошел и взял кусок побольше.

На этот раз я поступил умнее и, налив воды в имеющийся у меня кожаный мех, оставшийся от коротышек, направился к наковальне, взял клещи и, аккуратно зажав между ними кусок гриба, максимально близко подошел к кипящей магме, старательно протягивая клещи к жару. Несколько раз приходилось возвращаться к озеру, мочить одежду и волосы, которые моментально высыхали с клубами пара, стоило подойти ближе к этой природной печке, но цель свою я выполнил, гриб сильно сморщился и стал издавать жутко неприятный запах.

«Воняет он, конечно, капец как, но есть его можно, если нос закрыть», – думал я, съедая получившийся жареный кусок.

В этот раз галлюцинации пришли спокойно и медленно, а не накрыли меня с головой, как во время поедания гриба сырым. Хихикая и пританцовывая, я направился к наковальне и там исполнил какой-то танец, постукивая ручником и кувалдой, которые с легкостью держал в руках.

Утро, вечер или день – в пещере не было солнца, и определить, какой сейчас день или хотя бы приблизительно час, не представлялось возможным, поэтому утро наступило для меня с того, что я проснулся отлично выспавшимся и к тому же не голодным. Похоже, вчерашняя еда, хоть и с небольшим побочным эффектом, но все же оказалась съедобной и питательной.

– Ну все, кранты вам, коротышки, – я поднялся на ноги и начал разминку, к которой приучил меня за эти годы нубиец, – я найду выход отсюда, вы у меня золотом будете еду покупать, за все, что я тут пережил.

Пожарить и позавтракать грибами заняло не так уж много времени, я насытился и пришел в чувство легкой эйфории, которая позволила мне с легкостью в походе пойти обследовать пещеру там, где я еще не был. Повторюсь, она была огромнейшая, поэтому, чтобы обследовать все входы, понадобилась бы не одна неделя.

Вспомнив старые фильмы про заключенных, я так же, как эти бедолаги, стал вести дневник, чертя клещами палочки, отмечающие прожитый день, и зачеркивая их, когда проходило семь. Так у меня завелся собственный календарь, который пополнялся и пополнялся, пока я обследовал пещеру. Жареные грибы после второй недели обитания здесь с трудом лезли в горло, но забивать желудок было необходимо, поэтому я всегда старался держать себя сытым, правда, значительно снизив при этом интенсивность тренировок. Я просто разминался по утрам, чтобы не тратить энергию зря.

Вскоре я стал понимать, что чувствовал Робинзон Крузо, оставшись один на необитаемом острове. Занятий, кроме поиска пищи и обследования пещеры, никаких, говорить не с кем, и это сильно меня напрягало, ведь в последнее время на поверхности я всегда был в гуще событий и привык находиться в центре постоянного внимания, а также постоянно решать какие-то проблемы. А

здесь мне предоставилась куча времени, чтобы подумать о себе, о своем окружении, о родителях, о своем пребывании в этом мире вообще – привести мысли в порядок. К тому же действие галлюциногенных грибов, после постоянного их поедания, стало значительно меньшим, чем при первых пробах, но все равно легкая эйфория, вполне совместимая с ясностью мышления, постоянно присутствовала. Я старался не думать, во что мне это выльется в дальнейшем...

...Прошел месяц, а выхода я так и не нашел, были найдены несколько засыпанных боковых туннелей, и мне осталось обследовать последний неизученный сектор пещеры. В него-то я и собирался пойти сегодня. Натянув на себя подсохшую одежду, которая давно не отстирывалась от пропитавшей ее насквозь слизи грибов и стала похожа на застывший доспех, стирка лишь немного разминала ее до следующего похода. Грибы были везде, поэтому их люминесцентная слизь стала для меня настоящей проблемой, не говоря уже про ужасный запах, который они издавали в жареном виде, но я привык затыкать нос и быстро запихивать в себя белковую массу, запивая ее водой – главным здесь было выжить.

Подкрепившись и сунув в сумку еще немного жареных грибов, чтобы перекусить по пути, я заполнил мех водой и отправился в путь. Привычная легкость после поедания грибов вскоре прибавила мне сил, я запел и бодро зашагал вперед. Интересности начались, когда, пройдя обычные светящиеся грибные поля, я уперся в ряды гигантских грибов, которые явно были посажены рукотворно, слишком ровные ряды они образовывали. К тому же они не светились и были выше меня раза в два. Сердце забило чаще, а я начал жалеть, что не взял с собой в качестве оружия хотя бы кувалду. Я так привык к одиночеству и совершенно упустил момент, что под землей могут скрываться какие-нибудь хищники.

«Что делать? – задумался я. – Идти вперед или вернуться за оружием?»

Победила лень, думаю, не последнюю роль в этом сыграл кусок гриба, которым я закусывал, осматривая насаждения, и не совсем врубился, когда на меня вышло бледно-белое создание с огромными ушами и маленькими черными глазками. Открытый рот, полный мелких и острых зубов, длинный высунутый язык и частое сбивчивое дыхание из-за тяжелой волокуши, которую оно тащило за собой, заставили меня замереть на месте. Создание также заметило меня, его уши

затрепетали, затем оно издало испуганный писк, бросив волокушу с кусками грибов, и повернулось, чтобы убежать.

Не знаю, почему, а точнее, все же уверен, что во всем виноваты проклятые грибы, я громко свистнул и на гномьем языке крикнул ему:

– Стоять, бояться. Упасть, отжаться.

Странно, но существо тут же остановилось, замерло и повернулось ко мне.

– Великий? – просвистело оно на странной смеси гномьего и неизвестного мне языка.

– Конечно, а ты сомневаешься, червь? – Наглость – второе счастье, почему бы и не попробовать.

Создание пискнуло и упало на колени, ударившись лбом о пол.

– Простите, Великое Божество, ничтожный Грых не вправе разговаривать с вами, это прерогатива жреца.

– С жрецами разберемся потом, – я насторожился, поскольку обычно от жреческого сословия ничего хорошего не стоило ожидать в любом мире. – Встань и расскажи мне, кто ты и где обитает твой народ.

Поскольку этот Грых продолжал валяться, пришлось затрешиной вернуть его к реальности. Она реально помогла, он восторженно уставился на меня своими маленькими черными глазами без радужки и быстро затараторил. Оказалось, что он кобольд, живет в селении, которое находится далеко отсюда, и занимается грязной работой по вырубке и перетаскиванию грибов, выращиваемых для еды. На мой вопрос, почему эти грибы не светятся и такие огромные, он ничего не смог ответить по причине незнания.

– Ладно, пойдем в твоё селение, – принял решение я.

«А вдруг кроме грибов раздобуду еще что-нибудь пожрать. – Мысль о еде превалировала сейчас перед всеми остальными. – Не могут же эти создания

питаться одними грибами, как я сейчас».

- Но, Великий, - затрепетал он, - если я не принесу груз, меня накажут!

Очередная затрещина привела его в чувство.

- Споришь с Великим? - удивился я.

Грых быстро помахал своими локаторами и вприпрыжку засеменял в сторону, противоположную той, откуда я пришел. Плантации грибов были огромными, и вскоре мы стали встречать все больше и больше кобольдов, которые рубили гигантские грибы каменными топорами, разрубали их на куски и складывали в волокуши. Едва завидев нас, они бросали работу, а когда мой сопровождающий быстро верещал о возвращении Великого, они падали на колени и прижимали голову к полу. Мы шли дальше, но краем глаза я видел, что они поднимались и, бросая работу, следовали за нами.

Пройдя грибные плантации, мы подошли к туннелю, прорытому явно ручным трудом, а не тем странным способом, что я видел раньше. Если в предыдущих туннелях порода была словно проплавлена до спекшейся корки, то тут стены и потолок носили следы ручной работы примитивными инструментами, к тому же каменные подпорки, которые укрепляли потолок, наводили на мысль о том, что можно будет заставить аборигенов прорыть мне выход на поверхность.

Едва мы вышли из пещеры, как попали в непроглядную темень, причем мой сопровождающий не почувствовал никакой разницы от этого перехода и спокойно, так же, как следовавшая за нами толпа, пошел вперед. Я тоже спокойно шагал, поскольку моя одежда сразу начала ярко светиться зеленым светом, но я запомнил на будущее, что эти существа отлично видят в темноте. Раздавшийся кругом писк и звуки падений затормозили наше движение. Даже шагавший впереди Грых едва обернулся и, увидев меня в тусклом зеленом свете, тут же бухнулся на пол. «Магические» подзатыльники снова сработали, а я стал подумывать, что пора завести себе посох, чтобы каждый раз самому не наклоняться, дабы отвесить аборигенам оплеуху, после которой они вставали и шли дальше.

Селение действительно оказалось далеко, к тому же все встречаемые нами кобольды, выныривавшие из многочисленных проходов, тут же посвящались

сородичами в суть происходящего, и повторялась процедура с паданием на пол, а затем последующим присоединением к процессии все новых последователей.

Вскоре туннель начал расширяться, и мы вышли в пещеру, по размерам чуть меньше той, в которой обитал я. Вот тут уже настала очередь удивляться мне, количество местных жителей было огромным, всюду кипела жизнь, и теперь стали встречаться не только взрослые особи, но и мелкие горластые, идентифицированные мной как здешние дети.

Грых вел нас дальше и дальше, мимо составленных из каменных плит домиков, которых становилось все больше. Число кобольдов, следующих за нами, перевалило за тысячу, а я стал волноваться сильнее.

«Куда он меня, собственно говоря, ведет?»

Ответ на этот вопрос я получил достаточно быстро, когда мы миновали плотно стоящие друг к другу каменные дома и вышли на пустую площадь, посередине которой стоял высокий, можно сказать, гигантский по местным меркам дом.

Провожатый бросился вперед и, забежав в дом, устроил там шум. Вскоре он вернулся, потирая расплывающийся синяк под глазом, который стал резко наливаясь краснотой, а спустя пять минут ожидания появился высокий кобольд с надетой на лицо каменной маской, смутно напоминающей грубое лицо гнома, в кожаном фартуке, держащий в одной руке пробойник, а в другой вилку.

«Вот кто стащил недостающие инструменты! – По матовому черному цвету я сразу опознал в них недостающие вещи мастеров клинков. – Странно, остальные не забрал».

– Кто потревожил дух Великого! – завыл он, и я понял, что проблемы начнутся у меня, если я не смогу переиграть ситуацию на его же поле. Обвинения в лжепророчестве обычно ничем хорошим не заканчивались для обвиняемого.

– Самозванец, – я указал пальцем на него, а раздавшийся вокруг писк доказал мне, что шок от моего заявления местные испытали не слабый.

Даже жрец впечатлился моей наглостью, поскольку на секунду замолчал и только потом спустился ниже по ступенькам и, гордо подперев рукой с пробойником бок, толкнул речь, краткая суть которой сводилась к тому, что «а царь-то не настоящий», и предлагал мне пройти проверку.

– Хорошо, тогда и ты тоже пройдешь мою проверку, – выхода у меня не было, и я оставил себе хотя бы такой путь отыгаться в случае поражения.

По лицу, скрытому маской, ничего не было видно, но по его поспешным движениям, суете, а также тому, что он приказал принести «Напиток Бога», я почуял опасность, подтвержденную тем, что все вокруг кобольды зашептались и с испугом стали смотреть на меня. Мелкий кобольд притащил небольшую алхимическую колбу. В ней я также опознал часть недостающей посуды с алхимического стола. В колбе плескалась люминесцирующая зеленая жидкость. Жрец взял склянку в руки и протянул ее мне, явно предлагая выпить.

Почему-то после тех грибов, которыми я питался почти месяц, мне было по фигу, что пить или есть, поэтому я спокойно взял колбу и одним глотком выпил жидкость, своим вкусом напомнившую мне те самые грибы, вкус которых, как говорится, сидел у меня в печенках. Прошла минута, вторая, и судя по тому, как оживлялись вокруг меня кобольды, со мной явно произошло не то, на что рассчитывал шаман. Чтобы акцентировать их внимание на себе, я, не раздумывая, достал из своей котомки кусок жареного гриба и протянул его жрецу. Настала его очередь беспокоиться, поскольку под жадными взглядами собравшейся толпы он не мог отвертеться от проверки.

– Ешь давай, самозванец, – поторопил его я, а из толпы кобольдов стали раздаваться недовольные крики.

Он снял маску, под которой обнаружилось лицо старого, сморщенного кобольда, и осторожно надкусил предложенный гриб. Чтобы поторопить его, я достал из сумки последний кусок, поджаренный мной перед походом, и стал спокойно жевать на виду у всех. Осмелевший жрец мигом слопал все, у него остававшееся, и стал довольно улыбаться и тыкать в меня пальцем, утверждая, что вот сейчас «Напиток Богов» покарает самозванца. Закончить он свою речь не успел, поскольку внезапно захрипел, стал кашлять странной зеленой слизью и, упав на землю, забился в судорогах.

Я перестал доедать гриб, посмотрел, как жрец дернулся несколько раз и затих, а судя по тому, что подошедший к нему Грых, потормошив его, удивленно сообщил всем, что Великий дух умер, чем вызвал повальное падение ниц и стоны окружавших меня кобольдов.

– Он был самозванцем, поэтому и не прошел проверку. – Я сам был удивлен произошедшим, но вида не показал. Нужно было укреплять успех, если я хотел выбраться отсюда на поверхность.

– Если еще кто-нибудь хочет претендовать на мою божественную сущность, может доест, – я протянул толпе остаток своего гриба, вызвав еще большие стоны.

– Ну раз больше сомнений во мне нет, тогда я как Великое Божество назначаю себе нового жреца – Грыха, – назвал я единственное знакомое мне имя моего провожатого.

– Но Великий, я простой таскальщик. – Его речь была прервана подзатыльником и гневной проповедью о том, что следующие споры с богом приведут к поеданию грибов.

Вот так неожиданно у меня появился жрец, глаза которого фанатично поблескивали, когда он смотрел на меня, а в придачу новый народ, который мне поклонялся, приняв за давно ожидаемого Бога.

Распустив кобольдов заниматься своими делами, я сказал Грыху, что хочу разобраться с наследием самозванца и лишь после этого отдам дом, принадлежавший теперь ему, по праву главного жреца. Попытка заикнуться о том, что Божеству лучше было бы... тут же покаралась затрещиной и последним предупреждением о грибах. С этих самых пор о лучшем жреце-последователе не могло бы мечтать ни одно божество, что уж говорить обо мне.

Правда, радовался я недолго, едва зашел в дом, как меня накрыло с такой силой, что я потерял сознание – видимо, «Напиток Богов» сработал, хоть и с большим запозданием.

Глава 2

Веселье только начинается

– Ох, – первое, что я произнес, когда открыл глаза и понял, что лежу на полу и у меня сильно болит лоб. Поняв руку, я потрогал вздувшуюся шишку, которую получил при внезапной потере сознания и последовавшего за этим падения.

– Проклятые грибы, – поворочавшись, я поднялся и ощупал себя, вроде все остальное было цело.

Пора было вернуться к тому, ради чего я вошел в дом. Как я уже говорил, дом по местным меркам был очень высок, я в нем стоял в полный рост, а вот в низкие дома кобольдов мне бы пришлось входить на четвереньках. Первое, что меня интересовало, это инструменты мастеров, которые неведомым образом оказались у жреца. Небольшие поиски – и все они обнаружились возле алтаря, на котором кроме инструментов лежали странные кристаллы в количестве десяти штук, очень похожие на хрусталь, с застывшим внутри туманом, а также множество маленьких глиняных бутылочек с хорошо притертыми пробками. В бутылочках находилась странно пахнущая, черная маслянистая жидкость. Забрав все, я еще походил по дому, но ничего стоящего больше не нашел, теперь нужно было уточнить у Грыха некоторые важные моменты, поэтому я позвал его в дом.

Новоявленный жрец с заискивающим взглядом зашел внутрь и упал на колени.

– Вот что, Грых, – я сел на пол, поскольку стульев здесь не было и в помине, – расскажи-ка мне, откуда все это у вашего бывшего жреца?

Я показал ему сумку с гномьим инструментом.

– Не знаю, о Великий, – он поколотился головой о пол, а я тем временем вспомнил о еще одном действующем лице моего испытания, кобальде, который принес жрецу колбу. Наверняка или помощник его, или слуга, но знал он явно больше, чем простой таскатель. Приказав привести его, я вскоре лицезрел маленького напуганного кобольда, который практически висел в руке Грыха, все же тот не зря таскал тяжелые волокуши.

– Подожди за дверью, – приказал я жрецу, поскольку видел, что его явно боятся и при нем со мной не будут говорить чересчур открыто.

– В общем так, – когда мы остались одни, я решил не ходить вокруг да около, а выложить все перспективы перед бывшим помощником жреца, – вариантов у тебя не так уж много: или рассказываешь мне все про себя и покойничка, а я подумаю, полезен ли ты мне, или отправишься на место Грыха, то есть, я хотел сказать, на бывшее место работы моего нового Верховного жреца, а именно – таскать грибы из пещеры.

Кобольд стал биться лбом о камень пола, пришлось применить стандартный способ взбадривания, который подействовал и на него.

– Не трать мое время, – намекнул я ему, пока он потирал затылок после затрещины.

Начав быстро тараторить, маленький кобольд подтвердил мои предположения о том, что он являлся учеником жреца и очень не хочет быть таскателем, поэтому полностью готов со мной сотрудничать. Я на миг пожалел, что погорячился, назначив Грыха своим жрецом, если передо мной есть готовый, но, вспомнив, что главным достоинством жрецов является не ум, а фанатизм, перестал сожалеть о принятом решении – ведь умный жрец начнет плести козни, а по бегущим глазам кобольда можно было догадаться, что сейчас его интересует только спасение своей жизни любой ценой. Такой жрец, при следующей опасности, может легко меня предать.

– Тебя как звать?

– Рохт, о Великий.

– Вот что, Рохт, где это взял самозванец? И что это такое? – Я высыпал из своей сумки инструменты, затем осторожно положил найденные кристаллы и глиняные бутылочки.

– В пещере Великих, – быстро ответил кобольд, показывая рукой на инструменты, – мастер мне рассказывал, что самый первый жрец Великих смог пробраться в их пещеру и забрать эти символы власти.

– Сейчас это тоже можно сделать, от вашей грибной плантации там не так уж и далеко идти до наковальни, – не понял я.

– Что вы, Великий, – кобольд закатил глаза и молитвенно сложил ладошки, – никто не может пройти поля гандоротов, практически мгновенная смерть ждет любого, кто прикоснется к ним.

– Гандоротов? – удивился я.

– Грибы, похожие на те, что выращиваем мы для еды, но они светятся зеленым и смертельно ядовиты. «Напиток Богов», что вы выпили, приготовлен из их слизи. Чтобы достать ее, погибли десять моих сородичей из тех, кто провинился перед жрецом.

– Эм, – меня передернуло от таких новостей.

«Все это время я питался смертельно опасными грибами? Как же я выжил? Может быть, грибы ядовиты только для кобольдов?»

– Хорошо, а что это такое? – пододвинул я к нему оставшееся.

– Кристаллы душ и каменная смола, – быстро ответил он.

Я подвис, вспоминая знакомое название. О кристаллах душ я читал в одном из свитков, где маги поссорились с гномами из-за них, а также то, что каменную смолу они как раз и меняли на эти кристаллы. Если я правильно помнил, именно тогда был разрушен Каладборг.

– И где же вы их раздобыли? – Я взял в руки один из кристаллов, который внезапно стал покалывать мне пальцы холодом.

– Поменяли у магов, – так, словно о погоде, заявил помощник жреца.

У меня едва не отпала челюсть от удивления. Столько времени прошло в этом мире, столько раз меня заверяли, что маги исчезли или вообще сгнули и лучше мне их не искать, а сидящий передо мной кобольд говорит, что встречался с

ними.

– Ты видел их? Как давно? – осторожно поинтересовался я, стараясь его не напугать и не сбить.

– Два года назад произошел обмен одной бутылочки каменного масла на один кристалл душ, – с гордостью ответил он, – такое бывает раз в сто лет, так что мастер говорил, что мне повезло застать подобное.

Я ожесточенно потер побаливавшую шишку на лбу. После речей мелкого у меня в голове закружились хороводом мысли.

«Встретиться с магами и обменять все имеющиеся в наличии бутылки с маслом на возвращение домой?»

Врожденная осторожность предупредила меня:

«А что, если маги просто отберут у тебя масло, а тебя пошлют не домой, а подальше или просто заберут с собой для каких-нибудь опытов? Что ты можешь противопоставить им сейчас?»

Осторожность победила во внутреннем споре, и я четко понял, что торопиться с этим вопросом не стоит. Маги подождут, а вот еда и выход на поверхность – нет, если я обеспечу себя нормальной едой, а также сообщением с моим «колхозом», можно будет и не торопиться выходить отсюда. Ведь Торгидор не был виноват в предательстве тех, кто заточил меня здесь, и мое обещание, данное лично ему, никуда не делось, а тут, имея все инструменты, а также кристаллы душ (которые, я точно знал, нужны были мастерам клинков для создания легендарных предметов), можно было развернуть неплохую металлургическую отрасль. Причем гномам, в том состоянии, в каком они находятся сейчас, ничего от нее не достанется – это я решил точно.

Тем более что давно хотел попробовать поднять местную металлургию, теперь мне выпал такой шанс, который я упускать не хотел, а для встречи с магами лучше бы иметь в руках легендарное оружие и десяток арбалетов прикрытия, чем ценную смолу в руках и голую задницу. Расставив приоритеты, я приказал созвать жителей селения.

Грых быстро все организовал, в помощь ему я придал Рохта, который был ошастливлен тем, что в его жизни почти ничего не поменялось. Правда, о том, что я сказал новому жрецу, он не знал, а так бы не косился на меня таким восторженным взглядом. Благодарность – это, конечно, хорошо, но сейчас мне нужно было слепое подчинение, а Грых делал это превосходно. Используя мой метод воспитания затрещинами, он собрал отряд из кобольдов покрепче и согнал остальных жителей селения за двадцать минут. Я подумал, что он таким образом продвигает вверх по социальной лестнице таких же, как он, таскателей, и ничего не имел против этого. В мои планы входило подтягивание местного населения на более высокий технологический уровень, если гномы решат спуститься сюда. В нынешнем положении дел кобольдов спасало только то, что они, как Неуловимый Джо из старого анекдота, были просто-напросто никому не нужны, занимая социальную нишу там, где никого не было. Я собирался это исправить, причем для всех сразу.

– Слушайте меня – и все будет хорошо, – не стал я изощряться в красноречии перед испуганным народцем, которого собралось порядка пяти тысяч. – Пока же приказ такой: мне нужен туннель наверх, и чем быстрее, тем лучше.

– Куда копать, о Великий? – Мой новый жрец все больше меня радовал, и задал он чертовски хороший вопрос.

Я поднял голову, покрутил ею и понял, что вообще не очень-то понимаю, где нахожусь, поэтому со спокойным видом просто показал рукой вправо и вверх, – туда.

Из рассказов мелкого я знал, что кобольды влачили по сути бессмысленное существование, просто питаясь, роя туннели все ниже в землю и размножаясь. Врагов у них не было, друзей тоже, так что все, что они делали – это просто жили. Кстати, едой у них были пресловутые гигантские грибы, которые вообще являлись здесь единственным съедобным продуктом и составляли весь их рацион, что я тоже собирался поменять. Ведь, если я отсюда свалю, нужно будет оставить после себя полноценное, работающее общество, лояльное ко мне и моим друзьям, а для этого кроме кнута понадобится и пряник.

Я давно собирался заменить трудодни в своем разросшемся колхозе на деньги, а сейчас, имея под рукой отличных рудокопов, оснастив которых стальным

инструментом, я осуществляю мечту любого правителя о бесконечном золоте и серебре, не говоря уже о драгоценных камнях и прочем. Все это, я был уверен, найдется на такой глубине, мне нужны были лишь образцы, чтобы дать кобольдам команду их искать.

Вот под такие сладкие мысли о накатывающем на меня богатстве я и заснул, отправив Грыха руководить копанием туннеля, а также позаботиться о том, чтобы поступление еды и всего прочего в поселке не прекратилось. По его задумчивому взгляду, брошенному на некоторых жителей, я понял, что при всей мирности местной жизни враги или недоброжелатели есть у любого существа в любом мире.

...С утра, не дав себе разлеживаться, я направился туда, где копали кобольды. За ночь было пройдено совсем небольшое расстояние, и я понял, что без меня они таким темпами будут копать еще очень долго. Каменные инструменты, смазанные каким-то неведомым мне составом, хоть и портились медленнее, но все же оставались каменными, к тому же подпорки туннеля делались из того же камня, который они отслаивали где-то ниже. В общем, хоть работа и шла, но очень медленно, так что мне пора было приступить к собственным обязанностям, а для этого мне нужны были рабочие руки. Отобрав сотню кобольдов, под руководством одного из знакомых Грыха, который так же, как жрец, фанатично и беспрекословно выполнял мои приказы, я погнал их в свою пещеру, взяв с собой несколько каменных инструментов, которыми они долбили туннели.

Дойдя до конца разработанных грибных плантаций, я устроил им целое бесплатное представление, когда стал расчищать дорогу через светящиеся грибы, которые были для них смертельно ядовиты. В том, что это так, убедился один из них, когда попытался сунуться под разлетающуюся слизь, от падающих под моими ударами грибов. Жалобно заскулив, он стал трясти рукой, на которую попала и оставила сильнейший ожог всего лишь небольшая капля слизи. Увидев это, а также то, что мне не причиняется ни малейшего вреда, они под грозным рыком сопровождающего опустились на колени и, прижав головы к полу, стали петь свои заунывные молитвы. Работать мне они не мешали, под руку не лезли, поэтому я не стал отвлекаться на их моления.

Поработать мне пришлось прилично, когда я устал, то прикинул, что в принципе, используя каменные инструменты, кобольды могут растаскивать оставшиеся после меня грибы по сторонам, а также зачищать тропинку от слизи, которой

набрызгалось тут порядочно. Раздав указания старшему позвать еще кобольдов с инструментами, я перекусил, решив попробовать жареные грибы, которые ели местные жители. Странно, но хоть по вкусу они и не были лучше светящихся, но мне чего-то не хватало после их поедания. Задумавшись, я понял чего, и вздрогнул, похоже, люминесцентные грибы вызвали у меня привыкание, ибо, не ощущая привычной легкости и эйфории, я чувствовал себя сейчас не в своей тарелке. Поборовшись час с чувством неудовлетворенности едой, я плюнул на все и под ошалевшими взглядами кобольдов, аккуратно работающих по расчистке скошенных мной грибов, отломил крохотный кусочек от сырого гриба и сжевал его в один миг, запив водой.

Привычное настроение и удовольствие жизнью вернулись ко мне, поэтому я заработал вдвое эффективнее, отгоняя от себя мысли о том, что я по сути стал наркоманом.

«Обеспечу поставки сюда нормальной еды, потом и стану выпендриваться, – отодвинул я решение еще одной возникшей проблемы на неопределенный срок, – пока жрать нечего, нефиг перебирать».

На то, чтобы пройти путь, который у меня одного занял бы четыре часа неспешным шагом, вырубая и расчищая дорогу с кобольдами, я потратил два дня. В конце концов, как говорится в пословице, «Терпение и труд все перетрут», мы вышли к озеру и наковальне, ввергнув идущих за мной кобольдов в священный трепет. Даже присоединившийся к нам Грых и тот был впечатлен, периодически падал на пол и, вознося свои молитвы, поворачивался ко мне. Я перестал обращать внимание на это, поскольку, пока его паства выполняла мои приказы, меня устраивало то, что он с ней делал...

– Грых, осторожно! – закричал я и осекся, когда кобольд подошел вплотную к емкости с магмой и заинтересованно посмотрел, как там она бурлит.

– Эй! – Я попробовал подойти к ней сам, но обжигающий жар не позволил мне это сделать. Ради эксперимента, я заставил подойти к емкости других кобольдов, что они сделали легко и просто, подходя вплотную туда, куда я не мог приблизиться даже на пять шагов.

«Интересно-интересно», – прищурился я, понимая, что, возможно, это будет неплохим подспорьем в моих дальнейших планах.

А пока нужно было заняться текущей деятельностью. Пожертвовав свой мех из-под воды на устройство наддува горна, я привел его в рабочий вид. Теперь, имея под рукой небольшое количество каменного угля и слитков железа, следовало запустить производство железных изделий, пусть пока и не самого лучшего качества, но я надеялся, что мой опыт мастера клинков поможет им дольше служить. Ведь простояли же горн и наковальня тут почти тысячу лет, несколько при этом не изменившись.

– Грых, – я подозвал кобольда к себе и показал ему для начала каменный уголь, – мне нужно это, и много, я видел, вы топите свои дома таким же.

– Да, Великий, конечно, огнекамень часто встречается в недрах.

– Отлично, а вот такой материал вы видели? Не черного цвета, просто очень твердый, тяжелый и блестящий? – Я показал ему кувалду, надеясь на то, что они встречали самородное железо, ведь находились мы очень глубоко, и там, где лава проходила сквозь залежи железной руды, вполне могло встречаться самородное железо в глыбах или просто кусках. Это было бы сейчас очень кстати. Неужели за столько веков кобольды, проходя ближе всех к сердцу Земли, не находили даже маленького самородного кусочка?

– Я не знаю, о Великий, – ответил Грых, – я ведь был простым таскателем, но по вашей воле сейчас же пошлю в селение весть для тех, кто копает туннели, они вернутся вместе с огнекамнем и, возможно, расскажут о том, что тебя интересует.

Каково же было мое удивление, когда партия кобольдов, вернувшаяся из селения, притащила мне целых десять кусков различных металлов. Среди самородной платины, золота, серебра и меди я увидел и три разновидности самородного железа, отличавшихся друг от друга цветом. Испугавшись за самого себя, поскольку я сначала схватился не за золото и другие драгоценные металлы, а за железо, которое они принесли.

«Похоже, эти куски отличаются один от другого содержанием углерода», – подумал я, когда попробовал постучать по ним кувалдой и поцарапать напильником.

– Отлично, Грых. – Я, очень довольный, повернулся к пришедшим кобольдам и показал им железо. – Мне нужно много огнекамня и вот таких кусков. Несите те, что ближе к селению.

– Сколько нужно, Великий? Этих кусков очень много, – осмелился спросить меня один из них, под недовольным взглядом жреца.

– Давайте привыкать называть металлы своими именами, – поправил я его, показывая материалы, – это железо, это серебро, это платина, это медь.

– Но вот эти два куска разные, – смутившись, сказал один из кобольдов, показывая мне два куска серебристого металла, в котором я опознал платину.

Он тут же полетел на землю под оплеухой Грыха, быстро усвоившего мои методы воспитания, так что я не стал его останавливать, хотя замечание кобольда и ввело меня в ступор.

«Ну да, что это? Разве я на взгляд отличу платину от палладия?» – удивился я сам себе, вспомнив что самородной бывает не только платина.

– В общем, несите все, что я сказал. Грых, в первую очередь обеспечивай инструментом тех, кто пробивает проход наверх, потом рудоходцам, копающим туннели внизу. Вскоре нам понадобится очень много железа.

– Слушаюсь, Великий!

...Вечером, закусив жареными грибами кобольдов, а также привычным сырым кусочком «своего» гриба, я лег спать поближе к емкости, которая излучала тепло, а кобольды ушли в селение. Перебирая в руках два абсолютно одинаковых на вид куска белого металла, я стал задумываться о свалившемся на меня богатстве. Если платина в местных деньгах присутствовала в качестве примеси случайно, то уж за золото и серебро баталии разворачивались не только лично со мной, но и вообще в истории человечества. Если кто-то узнает о том, что я получил доступ к источнику самородного золота в больших количествах, у меня могут возникнуть очень серьезные проблемы, по сравнению с которыми проблемы с герцогом Наригом окажутся просто детской игрой в песочнице.

«Нужно будет очень осторожно все это выводить наверх», – подумал я, прежде чем уснуть.

Разбудили меня заунывные молитвы кобольдов, которых Грых приучал молиться при каждой встрече и расставании со мной. Этот гортанный, но певучий звук меня поражал. Как могут они извлекать из своих глоток такое, что звук их молитвы заставляет резонировать каждую частичку моей души.

Решив их не отвлекать, я перекусил стандартным набором еды и сел отдохнуть, перебирая давнишние куски серебристого металла. «Мои» грибы привычно сделали тело легким, и вот тут началось самое странное, я сперва даже не понял, почему, но я четко осознал, что вот этот кусок металла, находящийся у меня в правой руке, – платина, а в левой – палладий. В недоумении я поменял металлы в руках, но чувство никуда не пропало, я точно знал, что есть что, да еще и сколько примесей в каком из них содержится!!!

Ошарашенный, я поднялся с места и подошел к лежавшим на наковальне остальным металлам. Взяв в руки медный слиток, я ощутил знакомое чувство и почти сразу понял, что металл на девяносто семь процентов медь, а остальные примеси железа, цинка, серебра и прочих металлов очень малы. В полном остолбенении я взялся за давнишние три куса самородного железа, чтобы продолжать удивляться. В первом куске почти чистого железа содержалось два процента никеля, меньше трех десятых процентов кобальта, второй был чугуном с тремя процентами углерода, почти двумя процентами кремния и процентом марганца, третий же был почти копией первого, но с меньшим содержанием углерода.

Я стоял с металлом в руках и не понимал, что происходит, с чего вдруг я стал живой химической лабораторией по определению металлов? Кобольды прекратили свою молитву, и тут же все эти ощущения пропали, у меня в руках остались лежать просто куски железа.

«Ого!»

– Ну-ка, помолитесь снова, – приказал я кобольдам, и когда молитва распелась, ко мне вернулось ощущение, которое недавно меня поразило до глубины души. Как только кобольды перестали петь, я тут же потерял это чувство.

«Мать моя женщина, – если бы я верил в Единого сейчас, стал бы обводить себя кругами, – это какие перспективы открываются передо мной?!»

Перспективы открывались слишком головокружительные, и я решил проверить все взаимосвязи молитв и прочих факторов, которые вызывали у меня это чувство опознания предметов. Ручник, кувалда и прочие инструменты раскрыли мне свои тайны, я чувствовал, сколько и чего в каждом из них содержится. От радости я цапнул кожаный мех и свою одежду, но тут меня ждал облом, оказалось, что мои чувства сути предмета касались только металлов или того, в чем они содержатся.

Еще одним, не совсем приятным открытием после серии экспериментов стало то, что без поедания сырых светящихся грибов чувство опознания также не работало, а если гриб пожарить, то я просто чувствовал материал, из которого был сделан предмет, или какой это металл, но примесей в них уже не ощущал, видимо, какие-то содержащиеся в грибах вещества, совместно с молитвами кобольдов и моим даром мастера клинков, вызывали во мне это странное чувство.

«Ну капец, вот ведь я попал в мир!» – недоумевал я, проверяя и проверяя, как работает чувство, заменяющее множество приборов, анализаторов и химических лабораторий моего мира.

Оказалось, что, если я отойду от кобольдов за грань, когда их резонирующая молитва становится едва слышной, чувство также пропадает, а если количество молящихся оказывается меньше десяти, получаемый эффект опознания становится слабее.

«Интересно, мастера клинков, которые попадали сюда до меня, знали об этом? Жаль, что не сохранились свитки тех времен в библиотеке гномов».

Расспросы кобольдов ни к чему не привели, поскольку они просто не знали о таких вещах. Пришлось закончить свои эксперименты и заняться делом, но теперь уже целенаправленно и всерьез. Показав кобольдам первый кусок железа, который сейчас больше всего подходил к моим целям, я приказал приносить сюда только такие.

Надел кожаный фартук, который прикрывал только живот и чуть ниже, а ноги оставлял открытыми, но лучше так, чем если бы брызги металла летели бы сразу на все тело. К тому же я убедился, что при ближайшем рассмотрении он не был настоящим фартуком кузнеца. Не говоря уже о том, что кожа не сохранилась бы в таком хорошем состоянии тысячу лет, ведь меха от горна полностью рассыпались, а этой коже было не больше пяти-шести лет. Хорошая выделка никак не гармонировала с качеством пошива. Казалось, он был сшит самым примитивным способом кем-то, кто когда-то видел настоящий фартук.

Вопросы Рохту быстро прояснили ситуацию: оказывается, во время последнего обмена, от магов было также получено пять рулонов кожи, которая хранилась в подвале дома жреца. Он получил заслуженную затрещину от меня за то, что умолчал об этом, а мне пришлось в который раз отвлечься от дела и, не разжигая горна, направиться в селение кобольдов. К сожалению, кроме кожи и большой глиняной бутылки каменной смолы, в подвале ничего ценного не обнаружилось. Поэтому я, выяснив, кто сшил этот фартук, отправился в его дом и заказал себе такой же, но нормального размера, а также четыре пары рукавиц, объяснив при этом, как размягчить кожу для них. Выделив это как приоритетное задание лопухой кобольдше, которая от одного моего вида тряслась от страха, но на затрещину не нарвалась, я опять отправился к себе, проклиная Рохта за то, что утаил информацию о подвале и заставил меня мотаться туда-сюда.

Вернувшись в свою пещеру, я с удовольствием объявил ему, что за сокрытие информации он отправляется на неделю работать таскателем. Блеснувшие злостью его глаза мне очень не понравились, поэтому, подойдя к Грыху, я попросил его после недели таскания обеспечить неблагодарной маленькой твари ответственное и серьезное дело, подальше в шахтах. Его глаза, сверкнувшие торжеством, мне понравились, так что я отправился наконец к горну, чтобы приступить к работе, но опять пришлось отвлекаться. Это меня откровенно раздражало, каждый раз, когда я пытался взяться за дело, возникала мелочь, которую нужно было срочно решить. В этот раз я вспомнил, что у меня нет под рукой воды для закалки, а также нет емкости, в которой эту закалку проводить. Видимо, ранее тут было что-то подобное, судя по каменной трухе рядом с наковальней, но время все разрушило.

Пришлось приказать гномам выдолбить небольшой отвод от озера, а также временное углубление в скале, которое заполнялось водой рядом с наковальней, а чтобы она не переливалась через край, такой же отвод в озеро. Временное, но эффективное решение.

В следующий раз, прежде чем надеть новый фартук, я проверил все, чтобы не взбеситься от очередной помехи и невозможности начать дело. Только когда я убедился, что все приготовлено: уголь, металл, вода, а также грибы имеются в достаточном количестве, я приказал кобольдам поджечь каменный уголь. Я думал, что увижу древние технологии высекания трения и прочего, но оказалось все проще. Один из кобольдов просто подошел с куском угля и аккуратно опустил часть его в магму, затем, дождавшись, когда тот воспламенится, просто пришел назад и под моим удивленным взглядом проделал то же самое для всех кусков, лежащих в горне.

Поставив одного кобольда на поддув, я показал, как правильно поддерживать нужную мне температуру, а чтобы он не очень уставал, решил выделить на эту процедуру сразу троих, благо количество пришедших хватало на все, что я задумал.

Как только пламя привычно загудело, а от угля и разогреваемого металла, который я сунул в горн, пошел знакомый запах, я отрешился от всего мира, поскольку смог наконец-то заняться любимым делом. Когда первая металлическая кирка была закончена, закалена и отпущена под темно-вишневый цвет для больших ударных нагрузок, я с удовольствием стал наблюдать, как после этого и моих прикосновений она стала приобретать знакомый черный цвет. Съев сырой гриб и заставив молиться кобольдов, я с огорчением понял, что изделие получилось так себе, если бы не мое усиление, то стало бы откровенным хламом.

«Может быть, лучше подготавливать металл вместе с чувством опознания? – подумал я. – А потом его ковать?»

Обдумав все, я решил, что сейчас главное для меня – обеспечить массовый выпуск инструмента, да простит меня мастер Тарак, в ущерб его качеству.

Кобольды, которые проходили мимо или помогали мне, во все глаза смотрели, как греется до слепящего цвета металл, а потом, под ударами кувалды, приобретает вид изделия. Молотобойца мне здесь не найти, поэтому приходилось все делать самому, но благодаря моему дару железные изделия, пусть и пока не стальные, были в десятки раз лучше того каменного ужаса, которым кобольды пользовались сейчас.

«Как только свяжусь со своими, надо будет механизировать тут все, – думал я, поднимая и опуская кувалду, – в первую очередь, сделаю себе простой механический молот, а то такими темпами я тут загнусь. Потом уже можно будет думать и об остальных улучшениях».

...Рутина потекла день за днем, я ковал, в основном, кирки и лопаты. В отсутствии дерева для рукоятей приходилось делать все железным, но кобольды, не зная ничего лучшего, получив железные инструменты, стали молиться чаще, что, конечно же, повлияло в лучшую сторону на качество выходного материала, но все же это была пока не сталь. Возиться с экспериментами по преобразованию железа категорически не хотелось, поскольку требовало очень много времени, которого сейчас не было. Медленно, но стабильно выдавая по семь кирок в день, я ускорил прохождение туннеля, хотя никак не мог придумать, как можно упрочнять своды. Рудокопы хоть и стали быстрее поставлять каменные блоки для этих целей, благодаря новым инструментам, но все же это было слишком медленно, с моей точки зрения.

– Великий, – от мыслей меня отвлек голос Грыха. В последнее время он все заметнее возвышался среди своих сородичей, я видел, что он сформировал вокруг себя небольшое сообщество крепких и сильных кобольдов, которые, вооруженные моими ломиками, быстро наводили порядок или отправляли на работы своих сородичей. Ломики были по сути лишь рукоятками от кирок, но от этого не становились менее эффективными в их руках.

«Ничего, сделаем мы из вас воинов, – скрывал я усмешку, глядя на их потуги казаться большими и значимыми среди остальных, – а принадлежность к немногочисленной касте всегда котировалась среди населения. – Скорее бы мы уже на поверхность пробились».

– Да, Грых, – когда жрец второй раз меня осторожно окликнул, я положил закаливаться заготовку кирки в воду, а сам повернулся к нему.

– Проходчики, – я сам велел называть тех, кто копал туннель, этим названием, – они прислали сообщение, наткнулись на новые мягкие породы, которые часто осыпаются.

– Пошли посмотрим, давно я не был в своем туннеле. – Я заинтересовался его заявлением и решил проветриться, за последнее время я так надыхался

запахами угля и металла, что стал часто кашлять и отхаркиваться серой слюной. Видимо, моя работа никак не шла на пользу организму, но особого выбора не было. Я пытался несколько раз привлечь к кузнечному делу кобольдов, но это оказалось бесполезным делом, они, при виде наковальни, меня, раскаленного металла, падали на пол и начинали молиться, так что приходилось их выгонять и работать самому.

Начало туннеля я помнил, поскольку сам видел, когда они начали копать, но даже не подозревал, что он будет таким протяженным на текущий момент. Перед уходом я глянул на свой самодельный календарь и с ужасом понял, что нахожусь под землей почти три месяца. Если вдуматься, три месяца без солнца, на грибах и воде! Мой счет к гномам становился все больше!

Идя по узкому и низкому туннелю, поскольку кобольды копали чуть выше своего роста, чтобы укрепить потолок и уменьшить затраты на туннель большой протяженности, я сразу увидел, когда они перешли на массовое использование железного инструмента. Если раньше стены, пол и потолок были неровными, изрытыми и с большим количеством борозд, то сейчас я видел более гладкую и правильную поверхность.

«Сразу, как только выберемся на поверхность, нужно будет озаботиться заготовкой дерева, – думал я по пути, – ковать металлические пруты для черенков слишком долго и трудозатратно, с деревянными же я смогу выдавать по десять, а то и двенадцать наверх в день».

Очень скоро на моем пути стали попадаться кобольды, которые, используя глиняные корзины или волокуши из странного волокнистого материала, вытаскивали в боковые туннели от основного землю и обломки камня.

– Мы нашли несколько полостей и подземных рек, так что скидываем в них выгребаемую породу, – объяснил мне один из кобольдов, когда я спросил, куда они это все тащат.

Практически на коленках пробираясь по проходу, я заметил, что порода меняет свой цвет на более темный, также все чаще на стенах была вода, а кое-где кобольды даже замазывали стенки прохода глиной.

– Проходчики говорят, такой туннель долго не простоит, – неправильно понял мои мысли Грых, глядя, как я смотрю кругом и трогаю руками замазанные глиной участки, из-под которых медленно, но сочилась вода.

– Ничего страшного, – отмахнулся я, – главное – попасть на поверхность. Там я найду путь к своим, а дальше ты поразишься, насколько изменится ваша жизнь.

– Это страшно? – внезапно спросил он меня. – Такие изменения?

– Это к лучшему, Грых! Вы живете без цели, без интересов, и пусть вас такая жизнь устраивает, но устроит ли она вас, когда гномы или еще кто-либо до вас доберется? С нынешним уровнем технологий вас быстро устранят как помеху на пути, так что моя ближайшая цель – это усилить и возвысить вас. Вот увидишь, сколько дадут вам нового и необычного гномы и люди, которые подчиняются мне наверху.

– Ты тоже там Бог, о Великий? – Грых в священном восторге склонил свою голову.

– В каком-то смысле да, – хмыкнул я без ложной скромности, ведь все то, что построено и есть там сейчас, произошло с моей подачи.

Наш разговор прервался, поскольку появились три хмурых кобольда, несущих четвертого, на котором живого места не было от вздувшихся волдырей.

– Что произошло? – удивился я, впервые увидев такие странные болячки у местных.

Грых достал из своего пояса маленькую бутылочку и, нагнувшись к лежащему без сознания кобольду, влил ему в рот немножко черной жидкости, в запахе которой я опознал каменную смолу.

– Мы пробились наверх, – пока жрец занимался раненым, ко мне подошел один из тех, что принес его, и упал на колени, – Норх первым шагнул вперед, но ослеп и получил вот такие волдыри, никто из проходчиков не хочет повторить его судьбу, все ждут вас, Великий.

«Что там произошло? – удивился я и взволнованно ускорил шаг. – Что могло так на него повлиять? Они к магме подходят вплотную! Откуда такие ожоги?»

До проходчиков идти пришлось долго, настолько, что я стал понимать, какую работу проделало селение кобольдов, чтобы проложить этот неровный, ветвящийся, узкий и тесный туннель.

Свет солнца я узнал сразу, когда выкарабкался из туннеля в небольшую пещеру, которая где-то впереди имела выход на поверхность. Узкими тонкими лучами он пробивался в дальнем проходе, а в темноте пещеры рядом со мной кучковалась толпа усталых и чумазных кобольдов, с моими кирками на плечах.

– Где Норх получил ожоги? – поинтересовался я у них, преодолевая огромное желание броситься вперед.

– Вон там, Великий, – один из кобольдов, заляпанный землей и глиной, показал мне туда, где был проход.

Под их испуганными взглядами я забрал ломик у Грыха и, приказав ему не следовать за мной, пошел вперед. Лучи солнца, ударившие мне по глазам, привыкшим к сумраку пещер и вечному зеленому люминесцентному свету, были подобны прожектору, который внезапно направили в лицо. Ойкнув, я зажмурился и сделал пару шагов назад.

– Да, Великий, именно на этом месте, – подсказали мне сзади испуганные голоса.

«Похоже, солнце губительно действует на их глаза, привыкшие к сумраку, а также кожу, никогда не видевшую солнца и не попадавшую под воздействие ультрафиолета», – подумал я, пока стоял, приучая глаза к солнечному свету.

«Накрылись мои желания устроить лесозаготовки. – Я осторожно приоткрывал глаза и делал шаг вперед, потом назад, чтобы не слепнуть даже не от слишком ярких лучей, которые пробивались через щели вверху пещеры. – Кобольдам, пожалуй, заказан путь наверх, а один я не собираюсь этим заниматься, и так почти месяц горбатился в кузне».

Наконец глаза привыкли к свету, и я прошел вперед, наслаждаясь теплом. Повернувшись назад, я увидел, что кобольды, узревшие меня в лучах губительного для них света, упали на пол и стали молиться. Горловое пение привычно пронзило меня, заставляя клетки всего тела вибрировать. Ради проверки одной своей теории, я достал кусочек сырого гриба и съел его, ожидая прихода чувства опознания. Когда оно появилось, я из исследовательского любопытства прикоснулся рукой к стене пещеры и с удовлетворением ощутил, как подо мной, метрах в пятидесяти, отозвалась медная жила с большой примесью серы, а также чуть правее и ниже ощущались залежи железа, по содержанию в них кислорода похожие на красный железняк.

«Угу, – довольно пробормотал я, радуясь, что мысль подтвердилась и моя способность работает и таким образом, – потом проведу исследования, насколько и как далеко я чувствую руду, а также сколько молящихся кобольдов нужно, чтобы увеличить радиус ее нахождения. Ладно, это все потом, сейчас главное – выйти и понять, где я, а также как найти мой. Ради этого кобольдов придется оставить на время одних».

– Грых, – я вернулся к кобольдам, которые продолжали молиться, – основную массу проходчиков отошли в селение, пусть отдыхают и занимаются привычными делами, остальные пусть укрепляют и поддерживают туннель, меняясь при этом с теми, кто отдохнул. Вход в него заложите, когда я вернусь, дам знать о своем приходе вот таким стуком, и вы уберете перегородку.

Я постучал по камню пещеры рядом с проходом вниз, с тремя длинными и двумя короткими интервалами.

– Ты покидаешь нас, Великий?! – Похоже, из всего моего предложения он услышал только одно.

– На время, Грых! – отрезал я, погрозив ему ломиком. – Я обещаю вернуться, у меня внизу слишком много незаконченных дел, чтобы оставить теперь все как есть, уж поверь мне.

Не знаю, что помогло больше, моя убежденность или ломик в моих руках, но он склонился передо мной, а затем, раздавая приказы, повернулся к кобольдам. Пещера стала быстро пустеть, а я, кинув ему спокойный взгляд на прощанье, шагнул вперед, туда, где приветливо светило солнце.

Хоть глаза и привыкли к солнечным лучам, но когда я, раздвигая заросшие кусты и свисающие корни деревьев, выглянул наружу, прямой солнечный свет все равно на время ослепил меня, и пришлось промаргиваться и ждать, пока глаза прекратят слезиться.

Постоянно напоминая себе, что я нахожусь теперь на поверхности, спокойная жизнь под землей закончилась и напасть на меня могут откуда угодно, я осторожно вышел из пещеры и огляделся, чтобы понять, что очутился в преддверии гор, которые поросли кустарниками и редкими деревьями, а ниже и впереди виднелась равнина. Что еще привлекло мое внимание, так это ветвящаяся змейка, отличавшаяся цветом от равнины и походившая на хорошо освоенный караванный путь.

«Похоже, мне туда», – понял я и оглянулся вокруг.

Около двух часов я потратил на то, чтобы оставить не только возле пещеры, но и везде вокруг небольшие зарубки на деревьях или кучки сложенных камней в виде указателей, чтобы не забыть и не разминуться потом с единственным входом в мир кобольдов. Я прекрасно понимал, что в противном случае можно будет забыть о своих мечтах, о металлургии и о мести гномам, так что, не жалея сил, делал себе множественные подсказки на будущее.

Когда работа была закончена, я посмотрел на солнце, которое сдвинулось на горизонте в сторону заката.

«Надо раздобыть еды, а также подумать о воде», – подумал я, прикидывая путь от нынешнего места до дороги на равнине. По всему получалось, что идти мне весьма приличное расстояние, а у меня, кроме котомки с грибами, ломика и пары серебряных самородков, ничего не было. Я специально не стал брать с собой больше. Мало ли кому я попадусь в руки, не хотелось бы, чтобы меня начали пытаться выведать, где я взял самородки золота и серебра, а два небольших кусочка не вызовут особых подозрений, с учетом моей внешности. О да! Себя я уже видел в одной из небольших заводей, которые образовывал найденный мной ручей. Зрелище было то еще: заросшие волосы, редкая борода и зеленая одежда прямо-таки вызвали ко мне чувство расположения. Я, встретив такое чудо на своем пути, лучше бы прогнал его от греха подальше, но вот поскольку сейчас этим самым чудом являлся я сам, то оставалось только надеяться на свое знание местных реалий, подвешенный язык и два самородка серебра – больше рассчитывать было не на кого, да и не на что.

Как ни странно, но ломик мне пригодился очень скоро. Как для того, чтобы метким броском убить незнакомую мне птицу, так и для того, чтобы с помощью найденного куска кремния разжечь огонь. Едва дождавшись, когда мясо, нанизанное на палочки, будет готово, я с наслаждением впился в него зубами.

– М-м-м, – я испытал все радости бытия, когда съел все до единого кусочка и блаженно раскинулся на траве.

«Как мало нужно человеку для счастья, если у него перед этим все отнять, – думал я, замирая от накатившей на меня сытости и неги, – кусок мяса, глоток воды – ты счастлив и доволен».

Съев последний сырой кусочек гриба, я задумчиво посмотрел в сумку. Понимая, что без них у меня будет ломка, я нажарил и запаковал грибы в пару глиняных горшков, но вот как долго они протянут, я не знал. Если испортятся за пару дней, меня ждут печальные будни.

«Блин, рассуждаю сейчас как наркоман о дозе», – поймал я себя на этой мысли, убрал за собой костер и останки пиршества, закопал все в выкопанную ямку и отправился в путь.

Глава 3

Родной колхоз

Караван медленно тащился по пыльной дороге, а старший охраны проклинал Гренвальда за спешку, ради которой пришлось идти без остановки и встретить вечер и ночь в степи. Дураку понятно, что два перегона не одолеть за один день, но нет же, чтобы опередить конкурентов, хозяин решил идти в ночь. Конечно, сейчас степняки смирные, но их ватаги молодежи, которые рыскали по степи в поисках поживы и славы, никуда не делись, так что можно было темной ночью запросто угодить в их засаду и попасть под стрелы.

– Освальд! – впереди раздался крик разведчика. – Тебе надо это увидеть!

Понимая, что тот не будет возвращаться из дозора напрасно, Освальд прищпорил коня и поехал в сторону кричавшего. Надвигались сумерки, соответственно все странное и необычное таило в себе неприятности, которых он за свои семь лет службы старшим охраны каравана у купца известной гильдии всегда старался избегать.

Отъехав от каравана туда, где его ждал Шрам, он сам прищурился, когда увидел странную картину. Буквально в километре от них смутно светилось на дороге небольшое зеленое пятно.

- Что это? - удивился он.

- Демон его заberi, Освальд, если я знаю, - пожал плечами седоусый воин, - как только заметил, не стал подъезжать ближе, решил сначала тебе доложить.

- Я не видел тут ничего подобного, - задумался старший охраны, - если бы это была ловушка, навряд ли бы нас предупредили заранее. Может, какой-то хищный зверь решил прилечь на дороге?

- Чтобы светился зеленым? Я о таких не слышал.

- Ладно, лучше объявлю тревогу, пусть наденут кольчуги и плотнее встанут в обозе, - решил не рисковать Освальд и, достав с ремня небольшой горн, негромко протрубил в него два коротких сигнала.

Едва ползущий до этого караван мигом пришел в движение. Всадники и пешие охранники стали быстро подъезжать к повозкам и надевать кольчуги, кожаные доспехи и прочее, что у каждого имелось в силу собственного достатка. Караванчики, услышав сигнал тревоги, стали ожидать отстающих, чтобы сбить все повозки в плотную колонну, которую проще охранять. Когда все было готово, Освальд дал отмашку продолжать путь, а сам вместе с разведчиком поехал немного впереди, чтобы рассмотреть, что их там ожидает. Чем ближе они подъезжали, тем больше настораживались: в наступающих сумерках зеленое свечение становилось все ярче и ярче, а когда они осторожно подъехали к нему, то удивились еще больше.

Посередине дороги на корточках сидел человек в странных светящихся одеждах и, опираясь на странного вида короткий черный посох, спал. То, что он именно

спит, было легко понять, поскольку негромкое похрапывание и периодические вздрагивания тела выдавали это нормальное человеческое состояние. Вот только не в центре равнины, где рыщут кочевники и одинокий путник рискует угодить к ним в рабство! К тому же странные одежды, заросшие и давно не чесанные волосы выдавали в нем скорее жреца какого-то культа, чем простого путешественника.

– Разбудим его? – поинтересовался Шрам.

Звук человеческого голоса мгновенно разбудил сидящего. Охранники даже не сразу осознали этот переход из расслабленного состояния, но через секунду перед ними стоял собранный вооруженный человек, который с прищуром смотрел на всадников.

«Да он воин!» – У Освальда не осталось никаких сомнений в принадлежности человека к этой касте, плавные и множественными повторениями оточенные движения, а также легкость, с которой странный незнакомец передвигался, выдавали его с головой.

Это вполне могла быть засада. Шрам тоже понял это и положил руку на рукоять меча.

– На каком языке вы говорите, уважаемые, – внезапно обратился к ним незнакомец на всеобщем языке, который использовали многие на Эроте, а особенно в Шаморе, ибо купеческая смесь диалектов и наречий стала когда-то основным языком этой провинции.

– Всеобщий подойдет, – осторожно ответил Освальд. – Ты кто будешь, путник?

– Жрец забытого Бога, – опираясь на короткий черный посох, человек подошел ближе, и оба воина услышали, как глухо металл ударяется в натопанную землю. Посох, похоже, был действительно цельнометаллический и черного цвета!

– Что забыл на этой равнине жрец и почему ты перекрыл нам дорогу? – Если бы это был простой бродяжка, Освальд давно бы вытащил меч и зарубил незнакомца, мешавшего движению каравана, но совокупность странностей и непонятностей не давала ему этого сделать, поэтому он решил оставаться

вежливым, пока информации о незнакомце не станет больше для принятия решения, как с ним поступить дальше.

– Прошу меня простить за дерзость, но ответ на ваш вопрос будет зависеть от того, куда идет ваш караван, – непонятно заявил жрец.

«Все же засада?» – глава охраны огляделся, но степь отвечала только привычными уху вечерними шумами и стрекотом цикад.

– Предположим, что двигаемся мы к гномам, – осторожно сообщил Освальд.

Незнакомец задумался и только затем ответил:

– Спросите хозяина каравана, не возьмет ли он за плату попутчика и заодно бесплатного охранника?

– Мы не берем попутчиков посередине пути, – сразу отрезал Освальд.

– А если я заплачу этим? – Рука незнакомца, который подошел ближе, поднялась, и в свете зеленого свечения его одежд тускло блеснул серебряный цвет самородка.

Глава охраны каравана и Шрам переглянулись. Незнакомец держал в руках кусок серебра стоимостью в жалованье десятника за весь путь движения каравана. Они переглянулись еще раз и оглянулись назад. Ожидая их прибытия, караван остановился неподалеку, и никто кроме незнакомца их сейчас не видел.

Глава охраны быстрым и плавным движением вытащил меч и сделал рубящее движение, чтобы отсечь руку незнакомца. Видя это, Шрам с другой стороны сделал то же самое, метя ему в голову. Руку Освальда внезапно дернуло с такой силой, что он выпустил меч, поскольку встречный удар был такой силы, что его рука сначала онемела, а потом и вообще перестала слушаться. Глухо звякнув, меч упал на землю, шум погромче раздался рядом, когда на землю упал старый воин, побывавший не в одной переделке, и сбить его с коня было задачей не из легких.

Перед подбородком Освальда мелькнул металл, и в подбородок мягко толкнули, но он прекрасно понял, что если бы удар был хотя бы вполовину такой же силы, как тот, что обездвижил его руку, его челюсть была бы раздроблена, а он бы потерял сознание.

– Боюсь, что у нас произошло небольшое недопонимание, уважаемые. – Незнакомец отошел на два шага назад и, переведя дыхание, стал говорить: – Мне нужно попасть к гномам, и я готов за это заплатить. Если вы думаете, что с собой у меня много серебра, то вы ошибаетесь, мне после последней битвы со степняками достались в качестве трофея всего два серебряных самородка, и я готов один из них отдать вам двоим, а второй хозяину каравана, если вы уговорите его взять меня ровно до того времени, когда мы пересечем мост гномов.

Глава охраны спешил и, кинув взгляд на своего воина, который недовольно посматривал в сторону незнакомца, сначала поднял свой меч и, поднеся его к глазам, убедился, что выщербина на нем после столкновения с посохом жреца приличная, уйдет много времени на то, чтобы ее убрать.

«Позвать остальных? Сколько ляжет здесь от руки этого жреца? Да и тогда делить самородок придется на всех, а не на двоих. Принять его предложение? Хозяин никогда не отказывался от денег, тем более серебро сейчас в цене».

– Что думаешь, Шрам? – Освальд понял, что не может принять решение один, ведь если они возьмут самородок, Шрам может разболтать об этом позже.

– Можем позвать остальных и прикончить его, но тогда придется делить серебро, – озвучил тот мысли своего начальника, – если брат, тогда придется молчать об этом. Я голосую «за», деньги не лишние, а посохом своим он машет вполне прилично.

– Хорошо. Незнакомец, давай свой самородок. – Глава охраны повернулся к жрецу: – Имя у тебя есть?

– Накс, – откликнулся тот и передал серебро.

Оба воина посмотрели, потеряли и поцарапали самородок, дабы убедиться, что он настоящий.

– Второй отдам только хозяину каравана, – предупредил незнакомец, и воины с ним согласились.

Как глава охраны и предполагал, уговаривать хозяина не пришлось, едва увидев самородок, он согласился, так что, когда Освальд предложил вдобавок использовать жреца в качестве бесплатного охранника за еду из общего котла, тот оставил это на усмотрение главы охраны, а сам ушел к себе, проверять чистоту самородка. Он, конечно, поспрашивал, откуда взялось это серебро, и их разговор с незнакомцем слушали все, косясь на светящуюся одежду жреца, но тот повторил свою историю, что взял самородки трофеями у степняков, и словно случайно вывернул свою котомку, в которой кроме двух глиняных горшков больше ничего не оказалось. Он также не стал скрывать их содержимое, а достав кусочек неизвестно чего из одного горшка, положил его в рот, закрыв при этом глаза и зажмурившись от удовольствия.

Конечно, он мог упрятать остальное серебро в одежде, но при взгляде на свободные и потертые рубашку со штанами, в это слабо верилось, так что интерес к нему угас почти сразу, поскольку все вернулись к своим повседневным обязанностям. Лишь словоохотливый Навир пытался приставать к незнакомцу, чтобы тот рассказал историю о себе, о своем Боге и о сражении со степняками. Тот лишь поведал о своем Боге, который любил кровавые обряды жертвоприношений, да с такими подробностями, что и Навир быстро отстал от него.

Покачиваясь в повозке и отдыхая после своей смены, я задумчиво жевал кусок вяленого мяса, которым со мной поделился возница. Твердый и сухой, как подошва, но в то же время соленый и пряный, он очень понравился мне по вкусу. Можно было лежать и думать о своем, неспешно жуя твердые лоскутки, которые нехотя расслаивались во рту.

На дороге пришлось просидеть два дня, прежде чем пришел первый караван, который мне поведал, что он идет от гномов, так что, пропустив еще один караван, тоже возвращавшийся от них, я наконец-то встретил первый, который шел на торговлю. Как я и предполагал, светить самородками оказалось опасно, и жадность в воинах пересилила все остальное, без тренировок и трех месяцев без практики мне стоило больших трудов сделать все так, словно для меня это была легкая победа, хотя дыхание и мышцы от быстрых движений перехватило

основательно. Когда я начал нормально питаться, я сразу возобновил тренировки, снова привлекая к себе внимание каравана, в один из вечеров ко мне даже подошел Шрам, чтобы я поспаринговался с ним. Как я понял, отказываться здесь в этом было не принято, так что я уступил его просьбе. Он оказался очень хитрым и опытным соперником, постоянно использовал грязные приемы, пытаясь во время атак мечом ударить меня то ногой, то боднуть головой, но посох, хоть и был короток и тяжел по сравнению с копьём, к которому я привык, но все же кусочки грибов, которые я жевал после каждого приема пищи, добавляли мне скорости и силы, так что после выбитого из руки меча старый воин, поморщившись, потряс руку, поблагодарил меня за бой и больше ко мне с просьбами никто не подходил, что меня очень порадовало, оставляя заниматься в одиночестве.

Путь до столицы гномов был скучен и утомителен, мне хотелось жажды действий, как можно скорее закончить все дела на поверхности и вернуться к кобольдам. Новая способность была удивительной и хотелось раскрыть все ее грани. К сожалению, две обязательные ей составляющие – грибы и кобольды – были только в одном месте, в других местах я ею самостоятельно воспользоваться не мог...

– Освальд, – я подошел к главе охраны и отозвал его в сторону, – если я внезапно исчезну, не поднимайте панику.

Воин с подозрением посмотрел на меня и сказал:

– Если твои дела не касаются моего каравана, это твои дела.

– Не волнуйся, – успокоил его я, когда до моста, который вел на ярмарочную площадь, осталось всего ничего и мы выстаивали очередь за караваном, который проходил узкий и небезопасный мост, последний пролет которого гномы разбирали каждую ночь, – это только мои дела и ничьи более.

Он пожал плечами, а я отправился в повозку, чтобы на ней проехать мост. Я решил предупредить Освальда заранее, ибо внимательный воин мог начать поиски исчезнувшего. Он очень серьезно относился к своим обязанностям, поэтому тот, кто приблудился со стороны, но таинственным образом пропал, мог навлечь неприятности на его караван, а ему это было категорически не нужно.

Что касается того, чтобы мне самому оставаться неузнанным, я не волновался: в моей одежде, к тому же полностью заросший и с бородой, я сам себя не узнал, впервые увидев в отражении ручья несколько дней назад, что уж говорить о гномах, которые даже не догадывались о том, что я смогу выбраться наверх.

...Отогнув ткань повозки, я убедился, что мы миновали мост и въехали на знакомую мне огромную каменную площадь, направившись к отведенному нам месту стоянки. Я лежал и подсматривал через щель, когда вдруг замер от неожиданности. Мастер Дорн во главе другого каравана как раз уходил с площади, и судя по загруженности его повозок, уходил он не с пустыми руками.

«Странно, я не помню, чтобы отдавал какие-то распоряжения на этот счет».

Думать о произволе второго тана земли было некогда, можно было во всем разобраться и позже, а сейчас следовало незаметно перебраться из одного каравана в другой. Внимательно присмотревшись, я понял, что если из своего каравана я и выскользну незаметно, то в гномий так просто не попаду. Его охраняли очень хорошо, и я привлеку к себе внимание, если попытаюсь туда прорваться. Время уходило, их караван тоже, тут мой взгляд упал на ломик, и решение пришло само. Выскользнув из повозки, я просто направился к гномьему каравану, и когда один из охранников двинулся ко мне с секирой наперевес, я сунул ему под нос свой черный инструмент, молча подошел к повозке и сел рядом с возницей. Сказать, что оба были в шоке, ничего не сказать. Возница посмотрел на меня, на охранника, но я безмятежно продолжал сидеть на козлах, помахивая перед собой ломиком.

К чести гнома, он не стал поднимать шум, а просто подошел к охраннику впереди себя и что-то коротко прошептал ему на ухо. Я видел, как тот пошел вперед и по цепочке передал сообщение дальше. Через десять минут рядом со мной уже шел Дорн, которому одного взгляда на мой ломик хватило, чтобы, во-первых, забрать его у меня и спрятать в повозке, а во-вторых, оставить все как есть до момента, когда мы покинули гномью территорию и свернули по направлению к землям степняков, сказав лишь другим гномам «Так надо».

Шагали мы практически до самой ночи, вот только не к степнякам, а сворачивая и сворачивая ближе к горам, я стал догадываться, что дело нечисто. Какие-то странные вещи происходили с этим караваном. Наконец, мы остановились на ночлег, возница слез с козел и стал распрягать быков. Рядом с нами тут же оказался Дорн и поманил меня пальцем за собой. Пришлось подчиниться, хотя

пятая точка явно говорила о неприятностях, творящихся вокруг. Едва мы отошли на расстояние, где нас никто не видел, как Дорн внезапно обернулся и обнял меня, с силой прижав к себе.

- Эй, эй, мастер, - мои подозрения сразу же улетучились, не станет же меня обнимать гном, который замыслил плохое. Мог бы потихоньку прибить тут из арбалета, и дело с концом, - я, конечно, понимаю, что я явился без предупреждения, но откуда такие нежности?

- Макс! - Он продолжал ломать мне кости в своих железных объятиях, я покорился судьбе, пока он не угомонился.

- Чего происходит? - решил я начать с главного. - Что за караван и зачем, если есть пути?

- Совет Старейшин продавил решение, нам запрещено ими пользоваться, - хмуро ответил он, - не в последнюю очередь потому, что теперь мы отдельный клан Земли, с сильно урезанными правами.

- Эм-мм-м? - не понял я. - Нас всех выделили в отдельный клан?

- Да, Макс, и не успели мы понять, хорошо это или плохо, на нас навесили кучу прав и обязанностей.

- Интересно, каких же, - я стиснул челюсти, чтобы не выматериться.

- Снабжать остальные кланы едой, получая от них поддержку и защиту, а также платить за то, что пользуемся землей кланов на поверхности.

- Они там совсем умом тронулись? - зашипел я. - Кочевники им что, платят?

- Ну, официально есть документы, где прадеды кочевников подтверждали то, что будут охранять земли гномов, так что они в своем праве, - неожиданно стал защищать старейшин гном.

- Тан Дорн?! - возмутился я. - Ты их защищаешь?!

– Нет, просто по всем нашим законам они правы, – смутился он под моим напором.

– Что еще?

– Нам запрещено спускаться вниз, а также пользоваться тайными путями.

– То есть они вообще отрезали вас от прошлой жизни? – стиснув зубы, спросил я. – Мы теперь клан Отверженных? Ты хоть знаешь о том, что меня похоронили заживо, обрушив за мной проход?

Настала очередь гнома застыть с открытым ртом.

– Но как же, нам всем говорят, что ты работаешь внизу и тебе каждый день по нескольку раз доставляют еду и все необходимое!

– Вот так! – отрезал я. – Как только я оказался внизу, раздался взрыв, и выход наверх засыпали. Не думаю, что у вас часто происходят взрывы там, где тысячу лет их до моего появления не было.

Пока гном приходил в себя от моей новости, я обдумывал сложившуюся ситуацию. Старейшины, конечно, молодцы, прекрасно все разыграли. Если бы я был на поверхности во время их политических игрищ, неизвестно, чья бы взяла, а сначала избавившись от меня, а затем прикрывшись законами, они устранили и остальную часть своей головной боли, наверняка закупочные цены, которые они установили для колхоза, были просто смехотворными.

«Неужели никто из правления колхоза не возмутился? – удивился я. – Это же беспредел!»

– А чего вы тут тогда делаете? – повернулся я к Дорну. – Зачем на ярмарку пришли?

– Соли и пряностей у нас не хватает для солений и копчений, вот и приходится теперь кругами ходить, – ответил он с поникшей головой.

– И что вы, взяли и вот так согласились? – решил я уточнить. – Ладно вы, а что сказали люди из правления?

По тому, как Дорн стал хмыкать в бороду, я понял, что он не все мне рассказал.

– Да говори уже!

– Правление разделилось на гномов и людей, – нехотя поведал он. – Гномы согласились выполнять распоряжение Совета Старейшин, люди – нет.

– Здравсте, приехали, – ахнул я. – Зачем я вводил демократию в колхозе? Зачем вы выбирались в качестве представителей, если не смогли договориться и решить, как будет лучше для колхоза?!

Я специально выделил слово «колхоз», чтобы он понял, о чем нужно думать в первую очередь. К моему сожалению, гнома это не проняло.

– Ладно, а сейчас-то мы куда едем? Что за странный маршрут такой и где вы взяли повозки и быков?

– Совет Старейшин ссудил нам под залог будущих поставок, – ответил он, но лучше бы мне не говорил этого, хотелось подойти и применить воспитательные методы, которые так хорошо действовали на кобольдов, жаль, тут такое не прокатило бы, все-таки он был гном, да и тан как-никак, еще и возведенный мной в этот статус.

– В общем, ладно. – Я был слишком зол, чтобы принять какое-то неспешное и взвешенное решение. – Караван отправляй своим ходом, а мы с тобой пойдем тропами, где тут ближайший вход, знаешь?

– Но нам нельзя! – попытался возмутиться он, но тут же притих под моим взглядом.

– Тан, не заставляйте меня жалеть о принятом некогда решении, – я покосился на его пояс, – не только ты, мастер, но и все вы меня очень сильно разочаровали.

Он притих, поэтому, когда мы вернулись, раздал пару распоряжений каравану, назначив старшего и место, куда им нужно будет прибыть, затем вернулся ко мне. Я тем временем забрал свой ломик и, покачивая его в руке, думал, что все же кобольды – чудесные создания, как тут ни крути.

Путь до колхоза описывать я даже не хочу, он прошел в тягостном молчании, гном дулся на меня за то, что я на него наорал, а я злился на всех, что не смогли договориться между собой, а пошли навстречу старым привычкам и укладам.

...Едва выйдя из врат путей, не останавливаясь и не слушая ошалевших гномов охраны, которые, не узнавая меня, стали допытываться у Дорна, кого это он с собой привел, я зашагал по знакомой дороге. Следы разобшения виделись кругом, там, где раньше стояла общая кузня, теперь виднелись две, там, где стояли дома, в которых жили семейные пары, теперь виднелась изгородь, словно очерчивая границу своих и чужих. Не знаю, почему, но именно эта ограда привлекла мое внимание и явилась последним камушком, столкнувшим лавину. Я свернул с пути и направился к ней, время было вечернее, людей и гномов, вернувшихся с работы, было много, поэтому все высыпавшие наружу из своих домов, а затем и те, кто жил в бараках, стали подтягиваться к тому месту, где я крушил ломиком невинную изгородь, ставшую для меня олицетворением творившегося здесь безобразия.

Появился отряд вооруженной стражи, но, заметив черный блеск металла, стал просто топтаться рядом, не вмешиваясь в мои действия. Я же, выплеснув свой гнев, обернулся к собравшемуся народу, который не знал, что делать с сумасшедшим, появившимся из ниоткуда. Я поднялся на ближайшее крыльцо и, угрожая всем вокруг своим ломиком, стал говорить. Сначала устало и медленно, но по мере того, как на меня накатывало осознание сотворившейся по отношению к нам несправедливости, все горячее и громче.

– Для чего?! Я спрашиваю, для чего мы тут все собрались?! – начал я с вопросов. – Чтобы жить и трудиться! Трудиться, делать себя, своих родных счастливыми и идти к новой жизни! Для кого мы все это делали?! – я стал называть по именам тех гномов и людей, кого знал в лицо. – Для вас, старейшина Дрент? Или для тебя, Гнорт?

Удивившиеся тому, что незнакомец знает их имена, они поворачивались к остальным, пожимая плечами.

– Нет, не для вас мы все это делали и строили, мы строили колхоз для будущего наших детей! Это вторая речь, которую я произношу тут, но возникает чувство, что ничего не поменялось с прошлого раза! Только тогда здесь были сожженные и разрушенные дома, а сейчас я вижу грубые и очерстневшие сердца!

До многих присутствующих, которые являлись старожилками, стало доходить, что раздающийся голос человека, пусть и под этими странными одеяниями, принадлежит их тану и барону Максимилиану, который должен был сейчас работать под землей во славу короля гномов. Я увидел, как по толпе пошло движение, те, кто узнал меня, стали говорить это соседям, затем людская и гномья молва раскатилась вокруг, заглушая даже меня.

Я, словно дирижер, только размахивая вместо палочки увесистым ломиком, опять погрозил толпе, призывая всеобщее внимание:

– В то время, когда мы трудимся, чтобы обеспечить счастье своим детям и детям тех, кто остался под землей, но не стал нам от этого чуждым, за нашей спиной назрел заговор. Причем в этом повинны не наши братья и сестры, которые, трудясь от зари до зари, получают лишь корку хлеба и глоток воды, и видят, как порой умирают их дети от голода, нет, повинны лишь наглые и высокомерные старейшины кланов, которые под предлогом общего блага гномов на самом деле пекутся лишь о своей выгоде и принимают решения, губительные для всех! Все, к чему мы стремились и ради чего не спали все это время, они порушили одним своим указом, сделав нас Отверженными. Они будут забирать у нас еду, одежду и все, что мы создаем своими руками, и продавать это другим, а не отдавать нашим братьям и сестрам!! Нас же они лишь будут снисходительно похлопывать по плечу?! Не бывать этому!!

Не знаю, какая муха меня укусила, но моя речь все скатывалась и скатывалась к речам вождя мирового пролетариата и призывам к восстанию против мировой тирании капитализма. Горячая речь и порхающий в моих руках черный ломик поначалу словно загипнотизировали толпу, молчание, наступившее после моих рассказов о том, как все счастливо заживут, когда мы, свергнув старейшин и поставив на единоличное правление любимого всеми короля, заживем в светлом будущем, нашли отклик в сердцах не только гномов, но и людей, которых гномьи заморочки также коснулись в последнее время. В общем, через два часа я с

ужасом понял, что все слова, что я здесь произнес, назад не вернуть, теперь бушующая и скандирующая мое имя толпа просто не поняла бы меня, если бы я свел все к шутке.

В общем, хотите смеяться надо мной, хотите нет, но когда меня несли на руках в мой дом, я понял, что назад пути нет – придется устроить у гномов революцию и свергнуть власть Совета Старейшин. Когда меня внесли дом и оставили одного, я, ужасаясь тому, что наговорил, сидел на стуле и бился потихоньку о лобик головой.

«Пипец! Просто пипец, тоже мне Ленин нашелся. – Я сидел и не знал, что делать дальше. – Красить ткань в красный цвет, рисовать на ней серп и молот, а потом, поднимая стачки, захватывать почту и телеграф?»

Дверь в мой дом скрипнула, и в нее вошел Дарин, а также мой управляющий господин Костел. Увидев меня, они переглянулись, и Дарин задумчиво произнес в пространство:

– Мы пришли спросить, куда это понесло нашего тана, но, похоже, он сам не знает, что наделал.

Я усмехнулся, потеряв пылающий лоб и отложив лобик в сторону, хмуро сказал:

– Я-то знаю, что делать дальше, только вопрос, сможем ли мы все это осилить?

Присутствующие нахмурились.

– Думаю, лучше будет привести нашего барона в человеческий вид и выслушать для начала историю, каким образом он оказался здесь, потому что версия мастера Дорна пахнет вымыслом чистой воды, – как всегда трезвомыслящий Костел предложил приемлемый вариант.

Меня он устраивал полностью, поэтому через час: умытый, подстриженный, в чистом белье и без противной бородки, которая постоянно чесалась, я предстал перед Советом Колхоза. Правда, собравшемся не в полном составе. Шаман и орк еще не вернулись с задания, как меня просветили остальные, Рона также не было.

История моя была недолгой, я не стал вдаваться в подробности, а уж тем более оповещать всех о своих удивительных способностях, приобретенных под землей, и просто перечислил факты: гномы козлы, кобольды крутые, нужно навести в колхозе порядок и спустаться вниз, ибо еще ничего не сделано из обещанного королю.

Самым странным для меня было то, что никто из присутствующих даже не заикнулся о том, что можно поступить по-другому. Слово, данное конкретному индивиду, здесь ценилось на вес золота. Если ты пообещал и не сделал, с тобой больше не будут иметь дела – так в этом мире все работало, и поэтому все спокойно отнеслись к моим заявлениям, что, как только я закончу дела на поверхности, снова уйду к кобольдам.

– Хорошо, а что делать теперь с народом? – перешел Дарин к главному вопросу совещания. – После того, что ты им наговорил, все только и толкуют о возможностях и новом времени. Люди и гномы не расходились еще час, обсуждая сказанное тобой.

– Да что, будем развивать тему революции. – Я пожал плечами, раз отступать некуда. – В свете последних событий, это не самый худший вариант. Кстати, что там с моей деревней? Удалось ли их перевезти?

– К сожалению, нет, господин барон, – нахмурился Костел. – Они стали давать неплохую прибыль, и новый управляющий герцога не отпустил их.

Я посмотрел на Дарина, и тот подтверждающе кивнул головой.

– Ладно, тогда я расскажу вам, как мы поступим. – Разумеется, это было печально, но я не собирался отступать. Герцога можно купить, стоит разобраться тут с проблемами и начать приносить прибыль, а ее теперь можно приносить не только с колхоза. Но я никого не собирался просвещать о возможностях кобольдов в поиске драгоценных металлов.

– Нам понадобится знамя и символ, – я пододвинул к себе пергамент и в который раз подумал о необходимости начать производство бумаги. Жаль, я не могу себя клонировать и одного клона оставить здесь, а второго отправить к кобольдам, это было бы хорошим выходом из ситуации, но к сожалению, неосуществимым.

– В общем, знамя у нас будет красного цвета, олицетворяя готовность проливать кровь до последнего за наше дело, а символом того, что гномы идут рука об руку с людьми, станет скрещенный серп и молот.

Я нарисовал то, о чем говорил, и показал им эскиз. Судя по их спокойным лицам, они пока слабо представляли, во что я их втягиваю, и это было хорошо. Когда маховик раскрутится, никто не сможет сойти с выбранного пути.

– Также необходимо организовать производство бумаги, пусть серой и низкого качества, но бумаги.

Я показал, как на основе водяных мельниц, работающих у нас на помол муки, можно сделать размельчители любой ткани или волокон, лучше всего однородных по составу, затем, после варки получившегося состава до однородного состояния, прямоугольными металлическими ситами выгребать его и, разгладив, оставлять сушиться под солнцем. Затем, чтобы убрать рисунок, оставшийся от сита, помещать получившиеся листы под пресс из двух плоских и отшлифованных камней или их аналогов, и бумага готова.

Потом я показал, как можно с помощью глиняных дощечек с перевернутым и предварительно сделанным на них шрифтом делать оттиски на бумаге, производя что? Нет, не книги и другую нужную литературу, а листовки! Я решил начать так долго откладываемое из-за нехватки времени производство простейшей бумаги и чернил, на основе сажи и растительного масла, только чтобы печатать листовки! Да простят меня потомки за это.

Поскольку я пока не намеревался затевать мировую революцию, а ограничиться только гномами, то текст намеревался печатать специально для них. Вспомнив историю, я понял, что нужно действовать теми же способами и методами. Сначала убедить и заслать одиночных агитаторов с листовками на сороковые штреки, которых было полно по гномьему королевству, и, затеяв смуту там, продолжить распространение листовок и агитации на все слои населения, чтобы гномы знали, что можно жить по-другому. Я несколько не обольщался, что это будет быстро, да это мне и не нужно сейчас, поскольку, раздув небольшой костерок революции, я собирался спуститься под землю и лишь позже заняться ею всерьез. Когда у меня будет золото и серебро кобольдов, раздуть этот костерок в пламя пожара будет значительно проще. Сейчас же я собирался выбрать из местных харизматичных гномов своих представителей, которые имели к тому же обширную родню и смогли бы по прибытии в столицу гномов

затаиться у них, затем промыть им мозги идеями революции и отправить их тайными путями на нижние уровни, снабдив большим количеством листовок. Главное – усилить воздействие листовок, помимо текста, еще и красивыми рисунками, чтобы те, кто не может читать, мог наглядно видеть, что их угнетают и поработают.

Рассказывая и показывая все это, набросал план на пергаменте и, закончив, посмотрел на совет. Царило молчание.

– Не знаю, чем я больше удивлен, – за всех ответил мастер Дорн, – тайными знаниями, которыми ты, Макс, походя разбрасываешься, или тем, что ты серьезно говоришь о своей «революции». Думаешь, гномы пойдут за каракулями на кусочках листов? Давно я не слышал такого бреда.

Я в шоке посмотрел на остальных гномов, но они были согласны с его словами, люди лишь смущенно прятали глаза.

«Они недооценивают общество, в котором живут, – подумал я. – То, что не все довольны нынешним положением, я знал еще живя с Роном в гостях у гномов, а уж если купить молодежь деньгами и обещаниями светлого будущего, то мало никому не покажется, в моей истории была куча примеров этому».

Вспомнив о нубийце, я понял, что мне не давало покоя с самого начала совещания нашего Совета.

– А где Рон?

– Еще не приехал, – ответил Дарин, – умотал за своими гвардейцами, с тех пор и не видели.

– Вы, надеюсь, ему в дорогу дали не слишком много денег? – осторожно поинтересовался я, вспомнив прошлые поездки с ним в столицу.

– Он взял несколько изумрудов, – подал голос Костел, – сказал, что обменяет на наличные.

Я тяжело вздохнул, поражаясь их наивности.

– Ладно, если нет вопросов, начинаем работу по осуществлению плана.

Глава 4

Снова вниз

– Так что, товарищи, поддержим наших охотников и дадим две, нет, три нормы по обработке полей! – Утренняя накачка трудящихся заканчивалась, теперь каждое утро и вечер я «декламировал» все, что вспоминал из истории. Стоявшие рядом выбранные мной гномы, для посылки их в качестве агитаторов, давно уже превратились из обычных статистов, которым навязали эту роль, в моих верных последователей. Для начала я им устроил первое неглубокое погружение в революцию, выпуская только на три часа поспать, и так всю неделю подряд. Когда новоявленные «зомби» освободились от меня, я отстал от них на некоторое время, а затем, спустя неделю, устроил еще более глубокое погружение в предмет, заставив, кроме прочего, выступать с агитацией хотя бы перед двумя-тремя своими друзьями. Встречи и обсуждения с ними продолжались, пусть и не в таком ударном темпе, как при первом «погружении в предмет», но технология, которая действовала на людей, подействовала и на гномов. Они реально прониклись моими идеями о несправедливости и необходимости все поменять, и теперь, кроме убеждения друзей, по моему совету, стали носить красные повязки на руках, отмечающие, что они первые коммунисты в этом мире. Я не стал заморачиваться с названиями, а просто брал и копировал из истории своего мира все нужное мне, приучая местных к новым словам. Лучший пергамент я пустил на то, чтобы сделать себе и им партийные билеты, так что мой красовался с номером один, а их, соответственно, со второго по четвертый. За неимением фотографий, я записывал в него характерные данные гнома, а также подписи двух свидетелей, членов партии, о том, что они ручаются за него, связав таким образом всех воедино клятвой верности.

Пока наша партия развивалась, я собирался включать в нее всех желающих, а позже ввести жесткие критерии отбора, как было и в моем мире. Поэтому сначала принимали тех, кто лично знал моих коммунистов, они также стали вскоре щеголять красными повязками и красивым билетом, а потом и остальных. Больше всего меня удивило и поразило то, что мой управляющий: честный,

корректный и всегда вежливый господин Костел, оказался в душе и на деле ярким противником аристократии. Когда он пришел ко мне в один из вечеров и попросил принять его в партию, я сначала офигел, потом спросил его, зачем это ему? А когда он в присутствии нескольких партийцев стал рассказывать, как стал управляющим, через что ему пришлось пройти, чтобы добиться такого высокого поста, я понял, что он полностью в моих руках. Тем более, он сам созрел для идей, внедряемых мной в массы, и пришел добровольно, первым из людей. Выслушав его и огласив, что знаю товарища Уилла Костела давно и могу за него ручаться, затем спросив, есть ли возражения у товарищей по партии, и не найдя их, тут же выписал ему членский билет, который управляющий бережно взял в руки.

На все следующие совещания я всегда звал его, как единственного представителя от людей, он задумчиво сидел на них, слушал и о чем-то кивал сам себе. После первого же «погружения» он полностью изменился, из тихого и молчаливого человека превратился в яростного оратора, и я сам был в шоке от того, что с ним произошло, но, поскольку в партию стали толпами вступать люди, я махнул на это рукой, второй Дзержинский мне тоже был нужен.

Иногда, вечером, когда я ложился спать, просыпалась совесть и терзала меня, утверждая, что я прекрасно знаю, куда увлекаю гномов и людей, поскольку в кровавых реках, которые вскоре потекут, буду виноват один лишь я. Я лежал, ворочался, но вспоминал, как меня хотели похоронить заживо, а также как хотели избавиться от «моего» колхоза, и не изменяя решения, засыпал, чтобы каждый новый день начинать с пламенных речей о справедливости, равенстве и братстве.

Если я думал, что с этим все будет просто, то реальность заставила изрядно потрудиться, прежде чем началось производство бумаги и были выпущены первые листовки. Глиняные таблички со шрифтом оказались недолговечными, и пришлось найти резчиков и граверов, которые из меди сделали нормальный наборный алфавит и рисунки, а бывшие ювелиры сделали металлические сетки для их набора и оттиска. Только спустя две недели я смог держать в руках приемлемого качества листовки, которые не рвались в руках и были весьма наглядными. Я, конечно, понимал, что отсутствие полиции у гномов идет мне на пользу, но ухудшала ситуацию их немногочисленность и появление в столице лиц, которые были переведены на сороковые штреки, а позже сосланы на поверхность, что могло сразу взбудоражить некоторых «совестливых» соседей. Поэтому я и вдалбливал своим агитаторам, что первые речи и раздачу листовок

проводить только среди родни и лишь потом пытаться проникнуть на низовые шахты, где трудятся угнетаемые буржуазией братья.

Поскольку наличных денег сейчас не было, мне нужно было срочно озаботиться их поступлением в колхоз и отменой трудодней. Я собирался по старому доброму методу «продвижения американской демократии» подкупать молодежь гномов, чтобы они организовывали кружки и демонстрации протеста. Сначала, конечно же, никакого открытого противостояния, только сборы и митинги в пользу новой жизни и, конечно же, раздача денег за посещение таких мероприятий, а для этого мне требовалось просто гигантское количество золота и серебра. Закостенелое общество гномов с их клановой системой и отсутствием нормального образования среди молодежи, ведь по сути их образованием занимались родители, а не государство, вело к тому, что чаще всего дети шли по стопам отцов. Это опять же играло мне на пользу, совратить неокрепшие умы пропагандой и золотом будет гораздо проще.

На будущее я планировал подкупить парочку второстепенных кланов, чтобы они поддерживали очаги новых веяний у себя и агитировали другие кланы, но для начала нужно было закончить подготовку в колхозе, прокопать от кобольдов туннель до ближайшего ко мне выхода на тайные пути, чтобы ускорить поставку пищи, материалов и всего, что мне понадобится внизу, для обмена на драгоценные металлы и камни. Конечно, с одной стороны, получалось, что я как бы самому с собой обменивал пищу на золото, но, с другой стороны, на всякий случай следует сразу установить закупочные цены на продукты и золото для обеих участвующих в обмене сторон.

Мечтать о планах на будущее хорошо, но главное сейчас оставить перед уходом вниз колхоз спаянным общими идеями и мыслями, а не разрозненными шатаниями, как было при моем прибытии. Впрочем, пока мне это удавалось, количество людей и гномов, вступавших в партию, становилось все больше и больше, и когда я понял, что их большинство, решил, что задерживаться тут уже не стоит, тем более что другие подготовительные работы я завершил. Осталось только нарисовать карту, чтобы потом объяснить кобольдам, куда копать, и собирать караван для возвращения назад. Он получился очень странным, с точки зрения обычного торговца – продукты, ткань, дерево и множество других бытовых предметов, начиная от иголок и заканчивая ножницами, ножами и шукурами. Я не собирался снова заниматься мелочовкой в подземной кузне, поэтому постарался пообильнее запастись всевозможными подобными штуковинами. Даже кирки, лопаты и деревянные части к ним я заставил

наделать мне в огромном количестве, так что целых две повозки были забиты только ими, по прибытии останется только насадить кирку и лопаты на рукоятки и раздать их своим мелким подданным.

Планы по освоению подземной пещеры были значительными, но в реальности я мог взять с собой не все, что хотелось бы, просто не хватило бы повозок. Пришлось довольствоваться тем, что я облегчал себе жизнь внизу и обеспечивался запасом непортящейся еды на большой промежуток времени, необходимый для прокладки туннеля в сторону ближайших гномьих тайных путей. Когда у меня организуется постоянно действующий путь сообщения «кобольды-колхоз», вот тогда я смогу развернуться по-настоящему. Проводив своих агитаторов в столицу, я закончил формирование каравана и отправился в обратный путь к месту, где был вход в туннель к кобольдам.

Не думал я, когда собирался наверх, что подготовка и возвращение займут у меня так много времени. Я хотел быстро прийти, взять нужное и вернуться, а в итоге на раздувание революционного огня, подготовку каравана, другие изыскательские исследования и производство нужных мне под землей вещей ушло почти три месяца. Это меня раздражало, но я очень надеялся, что, когда следующий раз появлюсь в колхозе, не застану там руины, поскольку все передрались со всеми. Еще одной неожиданной проблемой для меня стало то, что грибы, взятые из пещеры, давно кончились, и я переживал не лучшие дни. От каждодневных перепадов настроения, холодного пота и всех остальных прелестей, которые сопутствовали ломке в отсутствии столь привычного стимулятора. Так что еще и это подстегивало меня к тому, чтобы побыстрее спускаться вниз.

– Макс, ты уверен, что мы тебе больше не нужны? – который раз спрашивал меня мастер Дорн, когда мы закончили таскать все привезенное в пещеру, которую я, благодаря оставленным мною многочисленным подсказкам, нашел довольно быстро.

– Да, мастер, – я проконтролировал, чтобы груды материалов лежали далеко от солнечного света, который пробивался сверху, – можете отправляться обратно. И постарайтесь не развалить колхоз к моему возвращению.

Он смутился, но все же спросил:

– А когда ты появишься?

– Если карта с тайными путями, что вы для меня составили, верна, то, думаю, через несколько месяцев. С наличием нормального инструмента дело у нас продвинется быстро, – я пожал плечами, мыслями я был уже не с ним. – Так что пока не особо препятствуйте гвардейцам короля и кланов, пусть думают, что у них все под контролем.

– Хорошо, – он кивнул и направился к выходу, хотя я видел, что его, как, впрочем, и всех остальных, обуревают любопытство, кто же придет за таким гигантским количеством товаров, которые высились сейчас большими пирамидами в пещере.

Дождавшись, когда крики возниц и мычание быков стихнут, я вышел наружу и окончательно убедился, что караван ушел, затем подошел к стене и постучал по ней условным стуком. Сначала ничего не происходило, но не успел я испугаться, что обо мне забыли, как с другой стороны послышались глухие звуки ударов, и вскоре стенка стала осыпаться.

Ринувшиеся из прохода кобольды, во главе с Грыхом, видимо, вначале не узнали меня, но я специально надел знакомую им зеленую светящуюся одежду, не позволив ее выкинуть своей домохозяйке, так что опознание произошло, несмотря на мой безволосый и цветущий вид, после трех месяцев нормальной кормежки и отдыха. Они повалились молиться, а я, прерывая их, приказал подтягивать из селения побольше народу, чтобы перетащить все туда, а затем завалить за собой туннель. Причем завалить его основательно, поскольку он стал «засвеченным», и я не хотел, чтобы однажды им воспользовался кто-нибудь из гномов. Королевские гвардейцы мне совершенно не нужны внизу.

– Грых, проследи, чтобы все товары были сложены возле твоего дома, – приказал я, – и чтобы они не пропадали во время транспортировки.

– Да, Великий, все будет выполнено, – он склонился в поклоне и раздал приказания своим подчиненным с ломиками, которые явно стали наглее и свободнее себя чувствовать среди сородичей за время моего отсутствия.

Проследив, как вереница кобольдов утаскивает припасы вниз, я решил отдохнуть после долгого пути сюда и, прислонившись спиной к нагретому камню возле входа в пещеру, прикрыл глаза.

Разбудил меня монотонный гул, от которого слегка вибрировало мое тело, и открыв глаза, я убедился, что собравшиеся вокруг меня кобольды поют свою молитву. Я вспомнил, чего мне не хватало последние несколько недель, а выступивший следом холодный пот напомнил, что неплохо бы и до грибов добраться. Поднявшись, я увидел, что пол пещеры чист, и огромных куч привезенных продуктов и материалов тут уже нет. Следовательно, больше задерживаться тут незачем. Оставив часть кобольдов заваливать проход за нами, мы отправились в обратный путь. Гудящие ноги и натруженная спина, поскольку приходилось постоянно идти согнутым по низкому туннелю, спустя несколько часов пути напомнили мне о такой чудесной вещи, как вагонетки, но отсутствие рельсов, шпал, да и вообще технологий, сильно подпортили мне настроение. Пришлось, стиснув зубы, переставлять усталые ноги и не слишком громко ругаться, когда головой ударялся о свод туннеля, пытаюсь хоть чуть-чуть разгрузить позвоночник от полусогнутого состояния. В общем, в селение кобольдов я пришел злой и всем недовольный. Быстро созвав всех наместовавших в селении жителей, я с помощью Грыха стал выяснять, кто чем занимается, и показывать, для чего нужна ткань. Голые причиндалы и прочие половые различия кобольдов давно меня раздражали, так что пришлось объяснить той особи женского пола, что сделала фартук жрецу и мне, как при помощи иголок и ниток можно сшить простейшую одежду, чтобы прикрыть свою наготу. В чем заключалась прелесть работы с кобольдами – они все подхватывали на лету, просто нужно было сказать, что и как надо, никаких вопросов и протестов. Вскоре мой жрец уже примеривал получившееся пончо. На первое время я посчитал, что этого будет достаточно, чтобы привезенной ткани хватило на самых продвинутых кобольдов.

«Пожалуй, это будет лучшим вариантом, – решил я еще в колхозе, когда понял, что одеть все пять тысяч просто не смогу за один раз. – Культуру ношения одежды не привить сразу и быстро, поэтому пусть пока одежда побудет атрибутом высшей власти, остальные сами будут стремиться к этому».

Вскоре такие же одеяния примеряли соратники жреца, горделиво посматривая на голых жителей. С еще большим фанатизмом они посматривали на меня, и, помахивая ломиками, были готовы выполнять любые мои приказы. Своего пончо удостоилась и швея, которой я поручил обучить несколько помощниц для

дальнейшей работы. Ведь я решил побыстрее выделить касту воинов. В данном случае это были ломики и одежда, а позже я собирался одеть и вооружить их нормальным оружием и доспехами.

– Ну а теперь я хочу, чтобы вы попробовали еду с поверхности. – Я разложил на площади перед домом жреца порезанные на маленькие порции различные продукты, чтобы выяснить, во-первых, не опасна ли она для кобольдов, а во-вторых, что им больше понравится, чтобы потом поставлять только нужное.

Первыми пробовать еду послали тех, кто, по мнению жреца, провинился за последнее время. Обреченные кобольды, видимо, ожидая неминуемой смерти, подходили к продуктам и по моему приказу брали по маленькому кусочку с каждой порции, уходя в сторону и уступая место другим. Очень скоро их обреченный вид, когда они поняли, что не умирают после дегустации, сменился заинтересованностью, испытуемые стали живее пробовать еду, делаясь своими впечатлениями с братьями «по несчастью». Результат воздействия незнакомой пищи на организм кобольдов я решил выяснить простейшим способом – загнал их в один дом и ушел спать, чтобы утром посмотреть, что с ними произойдет.

На следующий день оказалось, что все живы, а также что вся унесенная ими в дом еда съедена без остатка. Мало того, некоторые даже подрались за оставшиеся куски жареной конины, которая была признана ими лучшей из всего представленного ассортимента и даже названа «пищей богов». Почему из фруктов, ягод, различных видов мяса и прочих деликатесов они выбрали именно конину, осталось для меня тайной.

Все до единого кобольды, поедая конину, закатывали глаза и растекались в блаженной улыбке. Вскоре я, уже без всяких опасений, устроил пир для всех жителей селения. Разместив на остатках ткани все привезенное, я приказал им съесть оставшиеся продукты.

Первыми, конечно, их пробовали Грых и его молодцы, поскольку они убедились на примере первых «добровольцев», что привезенное мной безопасно и съедобно, а за ними потянулись и остальные жители, осторожно смакуя по кусочку незнакомую еду.

Результаты второй проверки оказались такими же: ягоды, овощи и фрукты были мало востребованными и в основном поедались детьми. Основная масса

взрослого населения также признала жареное мясо, и особенно конину – «даром богов». Когда жрец осторожно поинтересовался, где можно добыть побольше такой бесподобной еды, я улыбнулся и с видом искусителя достал припасенную карту, чтобы показать, куда им нужно теперь копать. Показав и рассказав, что новый туннель приведет их к гномьим путям, которые далее приведут к моему второму селению, где можно достать все, что они сейчас попробовали, я по их блеснувшим глазам понял, что теперь заинтересованность в прокладке туннеля будет не только у меня.

Рассчитывая на долговременное использование этого туннеля, я попросил их копать с высоким сводом, пообещав, что ускорю им технологию укрепления стен и сводов. Об этом я думал еще наверху, признав, что каменные блоки из сланца или вулканического туфа – это, конечно, замечательно, но очень затратно по времени и неэффективно. Гашеная известь с песком, водой и щебнем, в которую уложен волокнистый материал, используемый кобольдами для своих домов, показалась мне лучшим выходом. Тогда я не знал, из чего изготавливается этот материал, но вчера меня просветили, что делается он также из грибов, которые долго сушатся и затем отбиваются до волокнистого состояния. Если увеличить грибные плантации, то можно наладить его производство большими масштабами.

«На то время, пока я освою плавку металла в достаточных объемах, этого будет достаточно, – решил я, – потом пойдет железобетон, так что проблему с укреплением туннелей мы решим быстро и навсегда».

Да, именно бетоном я решил заменить все каменные конструкции, которые кобольды использовали как подпорки туннелей и шахт: деревья в подземелье не было, металлические балки были бы слишком затратными в производстве, а бетон, который очень легко сделать по римским технологиям, подходил мне как нельзя лучше.

Найти известняк, пережечь его в известь, загасить ее водой и замешать все с песком, чтобы залить в деревянную опалубку с бутовым камнем и щебнем, я смог еще у себя в колхозе, подальше от посторонних глаз, чтобы не увидели очередную «новую» технологию. Получившуюся стенку, после трамбовки и просушки, я не смог разломать киркой, так что технология предков была признана годной к использованию.

На то, чтобы созвать всех, кто трудился на добыче камня и формировании его в блоки, годные для подпорок, ушла еще неделя. Я потратил ее на то, чтобы сходить к себе и запастись грибами, а также оформить несколько деревянных опалубок под различные литые формы – колонн, арок и перекрытий. Кроме этого, я заменил у многих цельнометаллические кирки на привезенные с деревянными ручками и пообещал тем, кому такие не достались, что чем быстрее они проложат туннель, тем быстрее получат такие же отличные и легкие инструменты, как у остальных передовиков производства.

Двойная мотивация из желания получения еды у высшего состава селения и желания хороших инструментов его низового состава мне очень понравилась, так что, когда прибыли чумазые и покрытые въевшейся грязью «каменщики», а также все проходчики, до которых смогли добраться за это время, в селении стало даже тесновато. Для меня стало удивлением, что ни у одной женской особи кобольдов не было постоянного «мужа», они имели по два-три половых партнера, которые работали внизу и менялись по определенному графику. Женщины жили с тем, кто сейчас отдыхал, чтобы потом он уходил вниз, и к ней приходил другой, чья очередь была отдыхать в селении. Так что впервые созвав всех в одно время и место, я не ожидал, что возле многих домов окажется так много народу сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/dmitriy-raspopov/master-klinkov-klinok-vykovan>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)